

СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

1926
9

МОЛОДАЯ Гвардия

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

БЕСЕДЫ ВРАЧА

А. Карпову (Вятка)—Настроение в твоих стихах молодое и задорное, но форма их еще хромает. Более умения и стойкости в изложении, тогда можно будет говорить о творчестве.

Е. Бугакову (Краснодар)—«Леньку» мы не напечатаем, «Пионер» также не имеет возможности принять (имеется в виду тема материала). Написано сравнительно неплохо, но это место ли это набросок. Не следует употреблять, например, такие выражения, как «засыпать», «засыпать в куки слова», «сыпаться м ч а и н е и стук поездов», «высыпать на калитку и он на порог улицы»...

Виконской (Нижегородской губ.)— Для «Смены» защищены подходит.

Д. Нагорному (Борисоглебск)—В твоих стихах чувствуется серьезный подход, у тебя есть и тема, и строение и мысли, но вот—внешность стихов, их художественная сторона сильно хромает. Это—общий недостаток начинающих поэтов из рабочих, это—наша общая беда, от которой тем не менее нужно освобождаться серьезной самообразовательной шлифовкой. Это мы тебе условно рекомендуем. Для стиха, оказывается, мало хорошо чувствовать и думать, нужно и овладеть формой.

М. Николаеву (Ефремов)—Прежде всего вам надо несколько литературно воспитать себя. Присланное действительно слабо. Очень заметно, что стихи вам даются с большими трудом.

Не следует обязательно приурочивать стихи к случаю (праздникам, юбилеям и пр.), лучше беритесь за темы, которые возникают из зрея внутри вас.

В. Морину (Батайск)—Рассказ «Шаги титана» напечатать не сможет, по изложению своему он рассчитан на малограмматичного читателя. Можно было бы его следить издать отдельной массовой брошюрой для крестьян. Попробуйте переслать в издательство «Добой Неграмотности» или в крестьянский сектор Госиздата.

И. Мартынову (Москва)—По теме рассказ для нашего журнала не подходит.

Д. Зубило (Вятка)—В твоем рассказе много хороших художественных данных, литературная установка у тебя в общем правильная. Пишать тебе стоит. Относительно данного рассказа следующее взыскание: тема, развитая в нем, скорее подходит для бытового очерка, она не в состоянии превратиться в рассказ, взвинтить в действие достаточно количества людей; вопрос не имеет интересного сюжета. Поэтому основательная сторона как-то висит сама по себе, отдельные линии только присутствуют, и та женщина-вокруг которой все происходит—также не участвует в действии. Над этим следует подумать. Кроме того, если бы все остальное удовлетворяло, следовало бы выбросить излишние разговоры и экологические словечки. Подумай, организуй сюжет и, может быть, у тебя получится хорошая вещь для публикации.

П. Лапинскому (Ленинград)—Из присланных стихотворений в ближайшее время ничего напечатать не сможем из-за недостатка места. Просто сезонными описаниями обособлен-

но увлекаться не стоит, «Баррикада» хорошо ритмически написана, хотя тема все же надумана; лучше—«Утро».

Судареву (Харьков)—Стихотворение не плохо по его простоте и эпическом подходу к теме. Напечатать мы не сможем из-за недостатка места.

К. Пелажиновской (Пермь)—Одевает свои стихи в стягетазу, в журналах вам печатать их не удастся, так как они еще слабы и мало художественны.

Я. Бакуну (Брянск)—«Крик ребенка» написан слабо. Скорее пересказана тема рассказа, а не дана в художественном изображении. Да стоит ли рисовать такие отвлеченные фигуры—дочери генерала, племенного революционера и пр. без конкретики, художественной характеристики их. Напечатать не сможем.

Лебедеву (Кострома)—Напечатать мы не сможем из-за недостатка места. Для начала вы пишите не плохо, советуем работать.

В. Смирнову (без обозначения адреса)—Для первого раза стихи недурни, но крайне мере, они прости и написаны ровно. Для напечатания они все-таки бледны. В целом они стоят еще на уровне рифмованных впечатлений и воспоминаний. Продолжайте следить при условии серьезной работы и увеличения паса тем, образов и т. д.

В. Смирнову (Санкт-Петербург)—Стихи к печати не годятся. Вы хотели передать рабочий ритм во всем опицавшим, но это оказывается однообразным у вас. Журнал высчитает.

В. Милюеву (Киев)—По присланному судите о ваших литературных способ-

и у х, что часто бывает после тяжелых случаев гриппа, а также от этого гриппа други причины (большие дозы хинина и проч.). Необходимо показаться специалисту по уши болезням.

4) Кувандышев, Б.-в. «Вредно ли поползновение, и как отражается на здоровье ползни (извержение семени).»

В настоящее время с несомненностью установлено, что ползновение возвращение беззреконе; мало половины воздержание в юном возрасте от полыни организм не окреп в трате силы и физической психической растяжки—далее полезно, что касается до извержения семени, это многое расходится. Полынь целебное явление (свого рода клапан), если оно случается не часто. Подробно о полыни было написано в одном из последних номеров журнала «Смена» 1925 года.

В заключение можно указать, что половую энергию в любом возрасте легко и с успехом можно переключить на другой вид энергии (учеба, физический труд, общественная работа и т. д.).

5) М. Блыну, Ни-му др. «Вредны ли частые половы сношения?»

Вопрос о частоте и норме в половом жизни чрезвычайно трудно разрешить, ибо все зависит от здоровья, состояния и целого ряда случайных, обективных и субъективных моментов. Однако за границей норму брачной жизни можно считать 1—2 акта в неделю. Более частые половы сношения вредно отражаются на нервной системе, раздражают нервное и двигательное функции организма и приводят нередко к преджизненному половому бесплодию.

6) И. Киреев, Б. Ортенберг. «Отчего же боли в животе я стал плохо спать и как избавиться от этого?»

Глухота развивается на почве какого-либо воспалительного процесса

Подписчикам журнала „СМЕНА“

Все, уже подписавшиеся и которые подпишутся до конца года на журнал «СМЕНА» за наличный расчет, получат БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ—КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ «ГО В А Р И Щ».

Для остальных подписчиков «СМЕНЫ» открыт прием подписки на КАЛЕНДАРЬ «ГО В А Р И Щ» по цене 40 коп. в продаже «ГО В А Р И Щ» стоит 70 коп.

Но в этом случае придется тратить времени, можно только указать, что писать так, как вы написали не следует; что это?—рассказ?—заметка?—фельетон?—аттика?—Решить трудно. В следующий раз, когда наметите тему, изберите какую-либо определенную форму изложения.

В. Лога и П. Беленовскому (Киев)—Вы оба жизнерадостны и весели по настроению, и кажется, что сможете писать удалчивыми. У Логи иногда изобретаются темы, которые прямым рассуждением вроде: «Правда, трактор не мешал бы у беленовского есть нелзя с композицией стихи, у него песня»—то поет, то она скора запоет, это уже грядет и пр., также ему следут избегать таких тяжелых на слух обединений: «ты ж идешь», «слейся же!». Поработайте и припините еще.

А. Гравдикову (Харьков)—Со своими образами вы еще не спрятались. Они часто как-то непринятливы торчат в строках, также ритм у вас сильно ломается в продолжении не

только стихотворения, но и отдельной строки. Добивайтесь ритмичной структуры и целесообразно употребления стихотворения, заметите пр.

Т. Шафферштейн (Волочиск)—Вы пишите сюжеты.

Отчевено письмами: — М. Поплавко (Ростов и Дону), В. Семенов (ст. Егорьев), Д. Герценсону (Киев), М. Шишко (Полтава), Н. Михайлову (Винница), В. Борисенку (Днепропетровск), В. Петрову (Гаджиевская АССР), М. Шехтеру (Киев), М. Шишко (Саратов), Н. Чоупу (Харьков), М. Подольскому (Николаев), А. Рудакову (Иркутск), М. Тетиевскому (с. Яловичи), Ф. Ванину (Тверь), Б. Евзеброму (Борисоглебск), Г. Кузнецовой (Тифлис), С. Борзенюк (Харьков).

Не подходит—Гущенко (Славгород), К. Можаеву (ст. Байрам-Али), В. Б. Л. (без обозначения адреса), С. Овчинникову (ст. Тулун), Г. Кравченко (Псковская), Бензимовичу (Николаевск), Н. Мотору (ст.

Виноградово), Н. Б. (п.о./Климово), В. Бурову (Рязань), А. Коробкову (Одесса), Г. Жарковскому (Борисоглебск), Б. Киселеву (Симферополь), Б. Юфику (Киев), Л. Петровой (Елец).

Напечатать не можем:—А. Матышеву (Вологда), К. Францову (Уральск), Г. Угромяну (Хабаровск), Нестеровскому (Москва), Л. Котягину (Одесса), В. Орлову (Новороссийск), Гайдинскому (Конотоп), И. Плотникову (Ташкент), Н. Белинский (Ленинград), Б. Бабурину (Ветлуга), И. Пинчуку (Дербент).

Напечатать не получилось:—Г. Кирееву (Борисоглебск), Ф. Заманянину (ст. Пиньядж), А. Рыжикову (Бузулук), А. Содулиному (Фастов), Тимонину (село Борбово), И. Хлебникову (Москва), П. Зенину (Воронеж), В. Соловьиной (Орел).

Содержание: Д. ЧЕТВЕРИКОВ—Сто тысяч. Я. ОКУНЕВ—Ведущая. Л. КОЛЕСНИКОВ—О равнине в наши дни. Н. ИВАНОВА—Куда ехать летом (Южный берег Крыма). Письмо комсомолки. Ответ С. СМИДОВИЧ—Фото-экран. М. ГРЕМЯЦКИЙ—Необыкновенный опыт. Б. НАБАТОВ—Игрушку, победившую воздух. Н. КАРАСЕВ—Личный друг (Подзатыльник). Иллюстрации: В. ЕФАНОВА, М. ХРАПКОВСКОГО, П. СТАРОНОСОВА, и В. СУТЕЕВА. Снимки С. КРАСИНСКОГО, «Wide World Photo», и пр. Обложка работы В. ДОБРОКОЛОНСКОГО.

Редакция { П. Блажкин, П. Колесников, А. Косарев, Р. Никифоров, С. Овчинников.

Отв. редактор П. КОЛЕСНИКОВ.

судил, что сойдет на подверстку, а может — за пролетарское происхождение сделан. И начал гулять отпечатанный парень по редакциям. А болито сколько примет. Как начнут ему рукошики возвращать, будет казаться белите, что в редакции бюрократизм, что его затирают, что печатают по знакомству...

— Значит, — прохрипел Твердышев, — вы находите, что у меня ничего нет в смысле таланта?

— Видите ли, дружище...

Редактор подождал вместе со стулом поближе.

— В первые дни в зародыше человечьем не различали даже пола. Кто его знает — мальчик обрашается или девочка. Просто — мяса кусок. Редактор поддержал на ладони Твердышевскую поэмму.

— Не знаю, что тут получается — мальчик или девочка. Вам надо грамоту учить. Пищатель никогда не будет писателем, если не станет культурнейшим человеком своего времени. Понимаете, какая работа вам предстоит. Вы написали поэму, а тут у вас и Некрасов в непрерывном виде, и Кольцов комом стоит, и Майковский пущит. Да что... Вы неграмотный человек — дружище. Ведь и столяр не берет заказов, пока не отточит рубль. Вы же не научитесь строгать, париника мильшил. Страгать учатесь...

Неделю ходил Твердышев оглушенный, словно его по голове ударили. Смотрит — ничего не соображает.

Прежде не мыслью, а опущением думал, что буржуазная квартира — значит удобная, светлая, сухая, просторная, с винной и изразцовой плитой, а пролетарская — с драматичными, мутными окнами, с испорченной машинкой в уборной.

И так обо всем: корявые стихи, да папи. Плохая жизнь, зато без изъянов, не обидно. Хлеб ешь, да не из барской руки.

Тогда понял, что пролетариат только тогда победит, когда будет жаждать, и стихи, и машины в уборниках делать лучше, чем дворяне.

Рассердился на себя, на свою писанью, рукошики собрал в кучу, веревкой перенял и в угол бросил.

Помнил Твердышев — прорыты на фронте белье сделали. Принеслось спрятаться и отгулять на то верст — фронт выравнивался. Вот такое же состояние тогда было: весь в себе спрятался, только глаза блестят. И, чтобы побольше дела, делал бесконечную злобу утолил.

— Кто умеет только наступать — не воин, а бузило.

3

ОБЛИГАЦИИ все еще лежали на столе. Твердышев схватил их, скомкал и сунул в ящик стола. Не обворачиваясь, рукой отмыкал портфель со щекой, на стуле.

— Да, — почтительно сказал вспых, — обесценив мне жаждущую два года — я бы другим человеком стал, честные слова... Или не на два, а, скажем, на пять лет.

И так, для интереса, прикинул прямо на столе, покрытом газетой:

— Пятьдесят на жажду — за глаза, плюс учебники, книги, плюс театры, лекции и все, что потребно для развития — круглыми счетом, окколо сотни в месяц... будем считать тысячу рублей в год. Выходит — сто тысяч на сто лет хватит, Ну, за сто лет больше умышиленственее.

— «А ты женись на Шуре Бедренниковой».

— Кто сказал?

— «Твердышев».

— Я, я, тот же Твердышев, тебе отвечаю, что на красавицах бахах жениться не хочу. Впрочем, пятьдесят тысяч можно бы пожертвовать в МОПР или Домпросу. Нет, зачем пятьдесят. Все деяниество.

— «Ага! Ужалила пыль тысячи. Весь ты только говоришь, что тебе надо пять лет. Пять лет — пять тысяч. А ты уже дешевь затребуешь».

— Мужественный бесстрашность под шляпу подправилось прятать. Понимаешь? Мужественный.

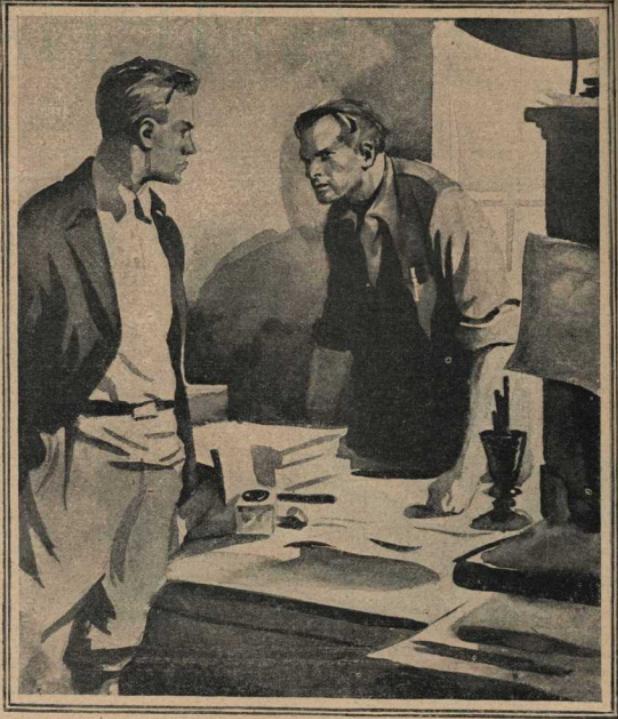
— «Понимаю. Ведь и способность у тебя есть. Через пять лет ты был бы совсем другим работином. А то, я гляди, спернувшись тебе, сам знаешь. И теперь иной париника такую загнет загулю, что становишься итигуш. Пройдет год, пройдут два, и ты не сможешь руководить ими, дорогой товарищ-активист. Понимаешь: недавно случай был такой по поводу твоего (сознай) — поворхностного дослада. Встает кто-то и заявляет:

«Все цитаты в докладе Твердышева взяты из третьегодишней газеты».

— «Ты вскинешь, выкрикнешь раздраженно:

— «Ну, что ж это же?»

«А то, что газеты мы сами читаем. Если лезешь доказывать, потрудись в книгах попряться. Газетчиной нас не корми».

Твердышев рассматривал лицо Мосолова почти с ненавистью...

КАВКАЗ

На склоне горы обвис виноградник, золото гроздьев сущит.

У склона горы извялившим веддиник, и лошадь развесила уши.

Бегут вперевалку, скрутую в ложбину ручьи бурзиной стаей,

Ручьи в бурзине, в ложбине весят, весят в небо горные клинья,

Тучами обрастают.

Когда зажигается ночь над Кавказом под звездной темною ручьими,

Два исполнинских светящиеся глаза

Рыскают, жадные, в ямах;

В каждую трещину взглядом свесяясь,

Смотрят они, голубые...

Сфотографирован в Тереке месяц —

Два их: в небе и водных.

Снылись онить и глотают тунNELи

Гусеницы поездные...

Сонный Кавказ пробужден и разделен на имена имен.

Нахичеванский, А-Эс-Эс-Эры,

Всплыли они, после срока.

Мощи Кавказ

И веками измерен,

В солнце Свободы Востока.

Тянет рукоятку к пробужденному брату

Каждый восточный народ.

Будущее твое — богато,

Азиатской первенец свободы.

Леонид Литvak

— «За тебя вступись, тебя отстои, но, по совести, разве ты был прав? Доклад ты готовил накануне ночью. Разве ты не халтурил?»

Твердышев ерзает на стуле и продолжает разговор с собой.

— «А что, ведь не изменился бы убеждений, если бы у тебя было сто тысяч?»

— И ты еще можешь спрашивать! Конечно нет.

— «Ты стал бы еще больше работать. Совсем, как при социальном устройстве».

4

ТВЕРДЫШЕВ берет огнишко, выигранное сто тысяч. В деньги Домпроса кладет серию, в списке переправляет чернилами серию.

Вот он криннул хозяйке: «запирайте», как кричит обычно, и вышел на лестницу.

Спускается, из коридора повернулся не налево, как всегда, когда идет в Домпрос, а направо, к банку, к серому, гранинтовому банку.

В банк ему улыбаются, пожимают руку. Фотографы снимают его для газет.

— «Получите чековую книжку. Какую сумму угодно наливайте».

Книжка. Вороний язык — Каждое листе набрать воронье кожу и вести их к себе домой в деревенских санках. Как-будто к тебе посыпаются гости дорогие! Пожалуйте! Только это купленный шкаф гостеприимно раскрыт обятия, как упавший добрый хлебосод. Милости просим! Лев Николаевич, вы на эту полку, пядышком с Достоевским, Карла Маркса и Энгельса. Ах, какие великие и умные люди.

Квартирная хозяйка зачем-то шупает шкаф.

— Дорогая моя, это не материя.

— Знаю, что не материя. Смотри: фанера или пакеты, кислое дерево?

Твердышев идет на рабфак. Пятьдесят рабфаковцев отыскивают получают в течение трех лет пять рублей в месяц.

И еще: поквартование Домпросу, взнос в МГПР и Водохозяйство.

В Домпрос машинистка Шура Веденикова ласково смотрит на свое начальство:

Хотите, Твердышев, я буду помогать вам писать диктовки?

— Помощник! Помощник навсегда?

Шура Веденикова смеется. Да, она согласна быть помощницей навсегда. Твердышев еще кажется, какими промахами может стать упрямый прогляд, если его развитие пройдет в благоприятных условиях.

В газете подробно рассказывают, с какой пользой употребил выигрыши счастливый комсомолец.

Глаза Твердышина словно раскрываются шире. Так вот она какая, человеческая необщаяя мысль.

Твердышев вступает во владение неисчислимым наследством умершей, старушки-бабушки дворянки.

Твердышев...

5

ТВЕРДЫШЕВ очнулся. Твердышев схватил пакет портфель, который лежит рядом, склону, на ступе.

«Да, решено: он пойдет посоветоваться с ребятами. Если думать одному—пугаются мисси. Сто тысяч. Проклятие сто тысяч!»

Кому?

Вспомнил при Терекого. Но решил, что этого не поможет. Про него ходили слухи, что он спрятал парень с мечтой о земельной собственности, и, кажется, тоже требует хорошего Петра.

Шел по улице и размышлял о том, где начинается обрастание и где кончается путь шашлыка? Тереко давал много поводов к такой задумчивости.

И сам не заметил, что ноги его взяли какое-то определенное направление...

— Молоды дома?

— А, Твердышев! Заходи. Очень рад тебя видеть из половины шестого,—сейчас пять.

— А потом?

— Потом я сажусь работать.

— Вот так встреча. А у меня разговору на час.

— Подожди.

— Не могу. Бакин.

— Ах ты... Придется еще четверть часа наскочить. Вылезай на пальто. Садись на сундук. Стол-то у меня один.

— Вини, ты, брат, зарылся в учебу. Тебе и жизни отсюда не видать: ставни от жизни по-закрывали. Недавно, брат, недавно.

— Я не Юлий Цезарь: празд сто тысяч деда не могу.

— Да ведь не сто тысяч, одно у нас дело: на самой жизни учиться жить.

— Экспериментики...

— Просто, практика...

Твердышеву горько. Хочется об'яснить втолковать, но вспоминает, что не учить принесли, — сам не знает.

— Эх... — думает,— все барабахаемся, всем трудно быть правильными. Правильно чугун в формовках застывает, да и тот случается с браком.

Мосолов отодвинул раскрытие книги.

— Начинай, — произнес он спокойно и дружелюбно.

Твердышев тоже дружелюбно осмотрел его.

— Худой какой. Жрешь, что ли, мало?

— Ты за этим и пришел, чтобы живот спутать?

— За этим самым.

— Хам... Ну, допустим, мало. Что из того? Кончиши ву—тут бы и жить, а у тебя сто тысяч бакинцев накинулись — носогаданье.

Зарядил свои сто тысяч. Ну, допустим и это. Дальше?

— Дальше, ничего. Вылезай из тебя малокровный кабинетный жук.

— Ты ругаться пришел?

— Обсудить.

— Пускай жук. Дальше?

— Парнико, Коська, получаса. Чего же дальше?

— А так, как ты,— лучше, по своему?

— Вот, вот, вот... начинай. Сюда и веду. Раскассируй меня, Кося.

— Могу. Во-первых, ты пенкосниматель; во-вторых, ты верхогляд, по поверхности плаваешь, как волчий паук. Вопрос: много ты читаешь? Ответ: ни одна. У меня живот подводит, а у тебя подводят мозги. У меня легкие малокровные, а у тебя мозги усыхают, — а ведь это, Твердышев, позор. Газету большую читаешь?

— Пробегаю...

— Вот именно пробегаешь. А хочется тем, кто «пролезает». Молодые граниты кушают. Подрастут — и тебя под ноги подомнут.

— А откуда они взмыли?

— У тебя. Не отрицаю. И тебе же после того свергнут. Времяна ты, выходи, вриподорка. Пока стены закладывали, леса ставят; построит дом вчера—леса прочь, потому что лесники есть. Надежнее и тверже.

— Но как быть-то, Кости?

— Гранитен, гранитен, брат, грызы.

— Ко граниту гарнира не полагается.

— Ага. Примыкли к гарниру. Наклевывается на него, как на кипарис. Просоветишься при этом ли, чтобы был гарнир?

— Понял я, со своей сопружественной моралью. Ах, ты, слабый сын. Честность с собой, говоришь? Можно ли кушать персики, если соседи на черном хлебе? Не в персиках дело. Веди к основному.

— Что—тебе тетка помои предлагает, или субсидию открыли, или украд?

— Украд.

— Украд?

— Украд.

— Чорт. Раскольниковым пахнет. Старуха убий?

— Нет. Старуху-дворянку революция убила.

— А ты тем временем дежаву подибрала?

— Ты не шучи. Быть может, украд. Или со-бирамсь украдать. Как посоветешь?

Чорт его знает. Как тут сказать? Я бы лично украд. Меня чего-то тянет к нарушению обетов.

— Погоди. Ты извел свои слова. Если украду, с тобой поделюсь, чтобы ты на деле доказал, что сочувствую.

— Всюмы. Как взаймы, возьму. Как субсидию. Кончи учиться и — возмущу. Не тебе, а обокраденному. Только ты имеешь в виду, что я выхожу из комсомола. Может, после этого ты и выхожу из комсомола. Может, после этого ты и делиться со мной перестанешь?

— Как перестанешь?

— Так. Не нахожу нужным тратить время драгоценное на заседания. И никаком хочу быть, а не заседателем. И вообще, мне надоело.

По моему, наше поколение тем и несчастно, что оно нет выбора. Раньше истину нужно было

отыскать. А теперь, пожалуйста, в очищенным, продезинфекцированном, разжеванном и патентованном виде. Не хочу. Хочу зубами работать. На то и молодежь. Чтобы спорила, спыталась, ошибки делала. А тут все автогонки, любими. Давай же я оторвусь от работы. Не могу я жить в таком наклоненном виде переносить. Все равно, что пить отварную воду. Дай мне сырой.

После сам на истину набреду, но тогда полюблю ее, вот тогда отдам за нее голову.

Мосолов бегал по комнате. Теперь вскочил и Твердышев. Оба они топтались на площади в три квадратных сажени, и походило, что они собираются драться.

— Молосов! Коська! Спасибо, брат, убедил ты меня в обратном. Вот она, кастрюрированная теория. Где ты ее удумал? Возле книги? Отразился от жизни и вокруг нее? Или из-за чего-то пошел? Авторитеты его задавали. А у меня, вот, другое чувство. Я боялся понимания, по здравому смыслу, что такое все машины становятся. Ох, умирают они один по одному. Тревожно мне: успеть бы перенять у них, научиться от них.

Книги не умрут.

— А мне людей надо. От людей учиться хочу. На деле живом, на поступках, скучно ему, видите ли, потому что черезсур истины полно. А того не понимаешь, что истины-то кусочек приоткрывается; что только не иди плачу грую приоткрываю, а нести его трудно и далеко. Врешь, тебе не скучно, от трудности хочешь увиливать. Знаю вас, такие проторхоры. Вам истину в подвале можно. Еще бы. Танкистенно-то как. Увидели танкостроение.

Твердышев наступил на Мосолова. Мосолов теперь стоял около стопы ученических, сложенных, за отсутствием шкафа, прямо на полу. Но на лице Мосолова было написано, что он не сладил, что он будет спорить, — из упрямства спорить.

Твердышев рассматривал продолговатое лицо Мосолова почти с ненавистью, как рассматривают лицо противника.

— Борис, Коська. Ощадь ты от учебников головы. И я, близки, тоже сбрендить хотел. Нет, брат. Твердышев — нечай. Твердышев верхушки подставляет, но... Ты же не будешь на меня отступать. И тебе не попадется — на то ты мне друг. За шноркот будь тишину. И Тереково возьмешь. Быркаться-брыйкаться по случаю возраста, — я тебе подыскала зубы; ты шамкаешь, Твердышев, ты мускаешь макии передовин.

— Какая ересь! Какая ересь! — ершился волынь Твердышев. — Да вы что, ребята, какая ересь Твердышев, — умоляешь Коська.

...и если Твердышев не
будет дече на аку-
шерку для Таськи, — все

равно она что ни-
будь сделает над
собой...

блоха вас укусила? Что за такие неоликвидаторы взялись? Охухайся.

— Погоди, — бормотал он, одеваясь, — пойду, со своей штукой покончу, а после приду и возьму за тебя. Одно ты, брат, Ну, ничего, пришлю. Полянчиком от меня не отдельешься. Сутки будешь упрямиться — сутки продолжай. Смотри в какую отвращительную полезли.

6

ТВЕРДЫШЕВ хотел сейчас же пойти домой изорвать свою невынужденную облигацию. Но, не дойдя до дому, повернулся к Домпрозу.

Всегда успею изорвать. А может быть, скрою ее. Ведь, если бы не облигация, торка бы я за заседания, некогда было бы на ребят посмотреть. Облигация то оказала выигрышная. Побольше бы таких облигаций: на них можно выиграть со стоки краинских комсомольцев. Весь из таких, как Молосов, из таких, что ересей портят, в бутылку лезут, — из них лучшие комсомольцы получатся.

Вот и Домпроз. Не успел войти — как настремился Таська Фартова, с чопкой лихой машины. Таська Фартова — старшина Таська Фартова, по прозванию Пылесос.

Твердышик, я тебя жду больше часа. Мне надо говорить с тобой надмене.

— Знаю я ваши разговоры. Если любовные, то или к честным.

— Нет, не к честным. Будешь слушать... У меня заявление о Цинуле.

Таська всплеснула малость, но только чуть-чуть. Тут же глаза отерла и повела невеселый рассказ.

Оказывается, Цинуль образовал кружок «Долой ревность».

Так вот что ему находились значки? «Долой ревность» — это значит, что любовники должны быть общие любовники, а у мальчишек не должно быть ревности из-за девчат.

Цинуль читал рефераты на тему об «Институте ревности», об отсталости взгляда на объект любви, как на собственность. Цинуль призвала «вторить новый быт».

А в результате — девчонки делают аборты, и если Твердышик не добудет денег на акушерку для Таськи, — все равно, что что-нибудь сделает над собой или скандал устроит.

Твердышик читал рефераты на тему об «Институте ревности», об отсталости взгляда на объект любви, как на собственность. Цинуль призвала «вторить новый быт».

Некрасивая какая стала, — подумал Твердышик. Начал, как мог, утешать. Завлекание и притам, а деньги... чорт, пусть обождет Таську, скоро будет получка, тогда он непременно даст.

Ушла Таська, а Твердышик сидит и теряется. Кажется ему, что он виноват, если проглядел Цинулю.

Какой он, к чорту, руководитель, какой он организатор и товарищ, если слен, как сто тыщи кобзарей, и узелет с всех бедах последний?

И опять начались сомнения. Может быть, взять эти сто тысяч и Таську и Молосову, Терского, — всем ребяткам, которым пришло с головным жаждом ходить мимо витринного гастрономического магазина, которым хочется строить молодую семью, хочется учиться, хочется заниматься какое-то место в жизни?

— Опять? Опять сто тысяч, — прикрикнул на себя Твердышик.

Вонша машинистка Шура Ведренникова, привнесла бумаги.

За то что утром думал о ней, как о淑чине, — тоже нечестивые к ней враздру.

Все ушли. Твердышик сидит, постаревший, осунувшийся. Ему двадцать лет, а уже залегли две горькие морщинки в уголках губ.

Домпроз гудит от молодых голосов, от гулких шагов, от музыки.

Где-то ноги. Где-то спорят. Начались занятия в школе для взрослых. Засели на шахматные доски шахматисты. Театральный кружок репетирует пьесу.

Твердышик кажется себе старым-старым. Может быть, ему восемьдесят лет. И он никогда не был молод. Он всегда был взрослым.

Твердышик осматривает огромный письменный стол, на котором лежит заведующий Домпрозом. Серебряная чернильница. Телефон и рядом стена исписана торопливыми цифрами.

По стенам портреты вождей.

Твердышик бормочет.

— Фу, как серенько.

И, по привычке, мысли свои перекладывая на речи, отчеты, доклады — он обращается к воображаемой аудитории и говорит!...

— Молодые, будьте молодыми!

Завтра он непременно пойдет к Терскому

и скажет, чтобы он побрился, чтобы он понял

ПОМОРИЯНКА

Точит каменные кости
Море синим колесом
Лягается беловолосый,
Расхвостенный овсом.
Затянувшись гуашью.
Сред часов чистки:
Вся рубашка голубянка
Продиралась на мне.
Прокосила я в рябью стаю,
Взмучек бабушкин — мотин.
Сини волны поддерзаю.
Да коркую в море пши.
Где ты, край пищени трескучих,
Где ты, прости колбель.
Соколицей через кручи
Полетел бы, сел во хмель.
Да с велом-то разве чиниешь
К хате девок — в хоровод.
Эх, вонша машина, вонша, вонша,
С чайкой выгрызши обод.
Отмолотился на лопне.
Серебро блеснет в ладье,
Туча винчерна брови —
Спляшем, видно, на воде.

И. Окетан

Милье задумчивые хаты
Захлестнулись в солнечной петле,
Проплыла марайном крылатым
Цветовей по розовой земле.
Шелестом растроганные нивы
За селом склоняются в гурты,
Тыльной зблони и слизи
Рассияни белые цветы.
Хороши солнышко, солнышко,
Что же ты о городе грустишь.
Все равно, нам не уйти обратно,
Не покинуть зареву тыни.
— Да, мой милый, хороши закаты.,
Ароматы маисские сады.
Только знаешь, тишиной приметы
Бесконичной юности следы.
Только знаешь — и в привольном свете
Круг бывает жизни поворот.
Ты прости, но завтра на рассвете
Я вонша обратно на завод...
Что же делать, не одну дорогу
Держит солнце в неге и тепле,
Ты уйдешь в гранитную берлогу,
Я в полях останусь на земле.

Владимир Долин

ШИНЕЛЬ

Я тебя, шинель моя, лежал
В смертном геле, в сопной тишине;
В дни, когда моя былоя тяжелее,
Ты была, товарищем, шинель.
Ты мое окутывала тепло, я
Шершаво грела на пути,
И тебя, бездумству, хотелось,
Да путей иных перенести.
Перенес, дымярица такую,
И донес участнику боев..
...А там, чтобы ты не атакуют,
И вонша ты — вонша кровью,
Для меня ты — вонша человечья
О годах, не смешивая гробов...
Прозынек леком был и погребен,
Этим веком вырос я опять.
Дни грозовым эзотом отчленены;
К новым дням, —работой привыкать,
Но в любой простреленной шинели
Вонша я грядущие века.

Борис Скорбин

что самое важное: молодые, будьте молодыми. Ну, что он серзячинает, — он, жаждущий малышки? А этот, Молосов? Завтра Твердышик обясняет ему, что молодую потребность спорить есть где применить. Ведь еще с целыми миллиардами нужно упорно спорить, — спорить поступками, примером, делом.

И потому (ах, ты, ведь не сообразишь все сразу, — надо было давнее еще возвращать), Молосов забыл: молодость не только хочет спорить, — у нее еще большая потребность верить, отчизни верить в себя, в свою силу, в победу лучших душ своего времени.

Твердышик приступил к бодрому гомону.

— А он, Твердышик, перит?

Может быть, отдохнущ за эти несколько минут без движений. Но только внутри все закричало.

— Верю, уверен, не поколеблюсь. И нас много таких. И наш пыл не скрошим.

Теперь Твердышику казалось, что он молод, страшно молод, совсем мальчишка, отчаянных мальчишес.

Он даже сделал веселое антракта около узкого письменного стола. Ему показалось, что Илья одобрительно кивнул со стены, с портreta.

— И всегда я был молод. И когда с винтовкой. И когда в белом плену видели меня к расстрелу, приводили в пытку, командовали «на изготковку», как молодые революционеры-старики. В этот момент я был молод. Молод идет, молодой класс, молодая страна.

Спустя винт, смешав с воншой толпой. Поздно вечером вернулся домой, отыскал тепленькую, зажег свет. Спокойно подошел к письменному столу, спокойно взял свою облигацию и перевернул на две части.

7

ТВЕРДЫШЕВ никогда не видел снов. Как положил голову на подушку, так и опрокинулся в небытье до самого утра.

Зато просыпался бодрый, свежий, голодный. Поеет. Занимается ремонтом брюк. Подсыпывает голову под умывальник...

Пока Твердышик не взялся за черный шареный портфель, он — бесшабашный, разудильный малыш.

Что было вонша? Разговоры, разговоры и еще разговоры. Кроме того, дискуссировал с самим собой по вопросу об облигации. Вон она, перервавшая попозапод лекот.

Твердышик в недоумении старался принюхаться: что же было неясно, в чем заключалась пропасть?

Домпроз выиграл сто тысяч. Кажется, только боялась развалиться. А на какого лешего попадлось анкету у Терских да у Молосовых сбирая?

Квартирная хозяйка сообщила, что все дрова выплыли.

— Вонша? — Значит — не надо топить. Вспомнил о Цинуле, о Таське.

— Цинуле загрызнут, — наложил решоплюю на свою мысль.

Брат хозяйки читает газету и кусает крахмом. Он всегда пьет винискус.

— Вот, тошничаешь, — говорит он, набив хлебом рот. — Ведь это ты всегда говорил: «Наша пресса, наша пресса». А я бы такое прямое отдал под суд. Вчера опубликовали выигрыши, а сегодня извиняются, — отпечатка.

— Бычка-то какикака?

— А вот: «Напомним: выиграла серия 21,

№ 154.001, следует читать, серия 24, № 154.001». Как вам правится? Ведь из-за этой очепатки может кого-нибудь хватить кондранка.

— Не беспокойтесь, — отвечает Твердышик. Кондранка никого не хватит: это выиграл у

— То есть, как вы?

— Я.

— Именно вы? (Хозяйкин брат перестал жевать.)

— Ну да.

И Твердышик продолжал умнинать.

— А что вы хотите, — сказал хозяйкин брат, потянувшись за чай с блодечка, — могли и вы играть. Вам комсомолец, Небось, чтобы измышили выигрывали винискус.

Твердышик высыпал вонши Буденского и чистил ботинки. Вонша тащила воншица: она несчастья Слади следила брат ее, нес под солнце ватрушками.

Обыкновенно Твердышик пил чай в столовой.

— Это что? За то, что я выиграл? — веселился спросил он.

— Да мне что-то не верится.

— А вон облигация лежит.

— Изорванная?

— Ну, что же. Был бы номер. Мамочка, а ведь факт.

— Воншицы очень вкусные, — сказал хозяйкин брат и взял портфель.

Думчика марками склеял разорванную облигацию. Воншик на улицах и позахватил портфель, как настоящий ответственный работник.

Вонпроз накрикнул червоник и сделал три огрофографических ошибки.

— Перешибите, — сказал коротко Шуре Ведренникову.

— Чего это?

— Заявление в Финтод, что Домпроз по

жертвам облигации, выигравшая сто тысяч.

Шура Ведренникова переписывала бумажку,

и у нее дрожали руки.

В Е Д У Н Ъ Я

Я. ОКУНЬЕВ, рисунки М. ХРАПКОВСКОГО

ЗНАХАРКА Анна знает много сказаний и кореней. Растет например, на берегу Вислы такая трава с серебряными листочками в огненном мелком цветом, горючая. Если выщипать настой из этой травы, человек засыпает, видит сладкие сны по больше не проснет: в прекрасных видениях кончается жизнь человека.

Еще Анна знает травку — кружевка канапка — против тоски, и златку — золоток — от лихорадки у одного она знает, как унять свою тоску по сыну, по Зигмунду. Матвей и Яцеку, которые проводят зимой ушли в Баршаву и от которых нет вестей.

Старуха Анна тут на ухо и беда. Нет у нее никакое избы из краю села у самой Вислы в опаде. Подле того места люди боятся ходить ночью. Глупые люди говорят, будто Анна колдует по ночам будто ровин в полночь привлекает к ней огненный змей, с которым она живет, как с мужем, с тех пор, как муж ее Гедиг умер от неведомой болезни.

Влюбленные дурочки приходят к ведунье, красуясь на закате солнца и плачут:

— Ох, бабка Анна, он меня не любит. Сделай, бабка, так, чтобы полюбил, чтобы тоска палила его сердце!

Старуха Анна качает головой, усмехается:

— Дура, дура! И чего вам дальше эти мужчины Ну, полюбят, жениются, а потом будет крещать ребра, изыматься, как мой покойный Гедиг, как все другие.

И дрожат у Анны кончики синих губ, когда они говорят:

— На, вот тебе вилючка и лопаточка: это кроткая сестра. Позовешь мимошу вилючу, когда будешь переходить дорогу. Вилючка заденет за серце. Ронко в полночь закопай у ого порога лопаточку — она его сердце к твоему потянет. Так то, дурочка. Ступай.

Странное лицо у старухи: все в морщинках и бородавках, а на лице — красный щрам. Это покойный Гедиг кинул как-то в нее вилами и угодил в лоб. Синца ее кругла, как тыль корыта, из-за торчит желтый язык и дрожатся синие губы. А глаза, как вода в Висле: зеленые и светятся, горят страшным огнем.

А подумать только — когда-то Анна была первой красавицей во всей гмине. Такую гордую царственную красоту знала только старая Полынья — о ней пела ведущая Анна.

А теперь она — к ней богачи, а мышила она за работника Гедига. У него были медные волосы и синие глаза. И теперь еще воняет, вспоминая красоту Анны и ее замужество, кръкает, точно выпил стопу меда:

— Эх!

В старинной польской песне не поется:

Женские слезы — серебряная роса
Когда в крови закатывается солнце, —
Женская доля тяжка,
Тяжелое тяги земли.

И еще поется:

Цветок никнет от ветра,
Пропадает цветок от стужи —
Блекнет краса левицы.
Сокнет грудь красавицы
От лютого мужа.

Эх, да о чем вспоминать!

Умер Гедиг нехорошей смертью. Только тем и я знаю, что отчего спорел муж Анны, да воняет, вспоминая о смерти Гедига, кръкнул свой ус и говорит:

— Ну-ну.

НЕДАВНО КСЕНДЗ созвал всех прихожан и долго говорил о чем-то в костеле. Анна хорошо знает, к чему клонится всегда герой ксендза. У него цепкий глаз, и он зорко видит,

Недавно ксендз созвал всех прихожан...

сколько старинных целковых и полтинников в скопином сундучке у Анны. Как только их стянутся слишком много, ксендз читает проповедь.

На этот раз у ксендза было необыкновенное лицо. Широко раскрылись, затылок налился кровью, а кулаки так сильно были по кафедре, что даже глухая Анна услыхала их удары. Не хватила он стакан — два месада?

Анна посмотрела на своего соседа, лавочника Владека. Он пыхтел раздувая щеки, и тер кулаками сухие глаза.

Ой, затрещит — затрещит ее сундук, если даже Владек забрало.

Когда вышли на улицу, бабка сердито скандала Владеку:

— Если так пойдет дальше — придется пойти по-миру.

Владек раздул щеки и крикнул над самым ухом бабки:

— Стыда, Анна, хоть ты и колдунья!

Анна не совсем дослушала и одобрительно закинула головою:

— Конечно, стыдно! Разве пану-богу нужно столько денег?

— Не о деньгах шла речь, бабка, прокричал Владек. Ксендз говорил об отчине и о бунтовщиках, которых надо вешать, как собак.

— Какая отчина? Раньше ксендзу нужны были наши гропи для пана Иезуя, а теперь новое дело — отчина, бунтовщики?

У Владека сделалось глупое и красное лицо. Он долго кричал о чем-то, колотя себя кулаками по груди. Бабка Анна поняла побелела, затряслась и, склонив Владека за руки, сказала:

— Замолчи! Теперь я знаю, куда девались Зигмунды.

Еще больше побелела и она сказала:

— Пропади — пропадом! Я знаю теперь, где Матвей. Да, да, Зигмунд, Матвей и Яцек — все троє!

У Яцека было тонкое, белое лицо и голубые глаза. Вечерами он уходил в room и долго пел песни, и глядел на закат. Приходил потом к себе, шагал по избе и пел вслух песни, которые сам складывал. Это были песни о Висле, о сосновах, о золотой листве на ясенях, о раковых полях, это были даровые песни о панах, которые сели на Висле, которые, как саранча, съедают поля... Это были такие песни, от которых пела и дрожала душа.

Он помешивает похлебку в котелке и поет песню своей родины...

Солдат улыбнулся и сказал: «Да, да...»

Мальчишки, взявшись за руки, плясали вокруг нее:

— Чортова жена! Чортова жена!
А старуха ничего не видела, ничего не слышала. Она шла, натыкаясь на заборы и бормотала:

— Золотые волосы... Золотые волосы...

ОСЕНЬЮ стало слышно из-за Вислы:

— Тук-тук-тук.
Как-будто далеко строчила швейная машинка.

Люди говорили:

— За Вислой бунтует народ. Панов жгут.

Утром из-за болот и лесов подошли к Висле солдаты. До самого вечера они стояли на том берегу. Когда дрожащий сумрак лег на уставшую землю, и задымленные туманами река и болота перенаправились через реку и вошли в село. Это было в полнолуние, а мазуры из восточной Пруссии, лодоты которой отхватывали у немецкой Польши. Там были дети немецких мужчин в польских мундирах.

Длиннобородый офицер, похожий на ножницы, на которые настутили красивые рейтязы, развел солдат на посты по избам.

В избу бабки Анны пришел молодой солдат и попросил есть.

Он просил на чужом языке, непонятном ведунье. Она знала, о чем он просит, но ведь этот русый парень там, в Варшаве, застрелился.

Она повернулась спиной к солдату и ушла в чулан.

«Вот тебе, на избе в макушках, лягут травы. Если дать ему горючего, он сущестует навеки. Но такая легкость смерти за Матвей, Зигмунда! Такая сладкая смерть!»

Русый солдат нарубил дров и затопил печь. Он помешивает похлебку в кotle и поет песню грустную песню, от которой болят душа.

Он убил ее детей, а теперь как ни в чем не бывало сидит у огня и поет. Не Геддинг отнял у бабки Анны радость, а этот солдат, который вышел из города в избу. Вся жизнь ушла, никого из детей не осталось на земле, потому что у нее было много детей, этот русый солдат, который спит у огня и поет.

В его стране есть девушки. Они так же глупы, как все девушки на свете. Они любят, тоскуют по милю, потом выходят замуж и всю свою жизнь и всю свою молодость ими отдают материнству. И вот родится чудак матери сидит в избе Анны и поет песни.

От этих пепельных семян человек горит три дня и три ночи в лютом огне. Тело его покрывается волдырями, глаза слепнут, опухнут, наливается кровью. А потом приходит горючая смерть, как на корте.

«Дени! Погодите! О! Убийца! Убийца! Убийца! Убийца! Убийца!» И матерь его будет плакать без слез и без стона, как ваня-матер.

Там тоже есть войт. Он поиздевалась над матерью этого русого солдата, показал ей серый пакет, прятей весть о смерти ее сына.

Бабка Анна вспомнила старую колыбельную песню, которую она пела над детьми:

«Мески пастух вымыт уже свое золотое стадо на бирюзовом поля и сторожит с своей высоты златогуровых овечек.

ВОТ СЕГОДНЯ, на заре, пришел человек от войта и сказал:

— Эй, ведьма! Тебя зовут к себе войт.

Бабка Анна посмотрела на посланца и спросила:

— Зачем я понадобилась ему в такую рань?

— А вот поди-ж ты! Может, тебе закутают в зеленую ткань из-за твоих синевов, которые что-то напоминают в Барановичах.

Посланец войта вылезел из избы, раскрыл двери лбом... Он постоял у дверей, потрогал спину и лоб и, плакая, сказал:

— Ну и сила же у этой ведьмы!

Войт дергал в руках серый конверт с печатью. Он вертел его в пальцах и глядел исподлобья на бабку.

— Вот я и пришла,—сказала ведунья.—Зачем ты звал меня?

— Видишь ли, Анна, я получил кой-что о твоих детях.

— Да, конечно, бабу, не совсем-таки забыли синевы мои от старой матери.

У ведуньи глаза из зелени сделались светлыми—такими ясными, как в молодости. Она притянула руку к юности:

— Дай мне синеву!

— Погоди, я сам тебе прочту его.

Писали чужие люди, и то, что они писали, не сразу можно было понять. Писали они о каких-то законах, о суде о привороте, который исполнен. И когда войт окончил читать, бабка стояла синяя и губы ее шевелились:

— Эх, матер!.. Зигмунд!.. Значит, Матвей!.. И Янек!.. Ещё трое!

Бабка довольно разучилась плакать. Она опустила свою седую голову и пошла, глухо плакавши.

— Значит, Зигмунд!.. И Матвей!.. И Янек... тоже...

— Погоди, Анна, тут прислали их вещи — крикнул ей вслед войт.

Вот вышитая сорочка Янека. Ночи напролет, стежок за стежком шила старая мать. Не в по- лотно втыкалась игла — в сердце.

Вот ковш для Матвея. Он больше не оповещает ее им. И сапог этих не наденет. И не будет играть на гармонике веселых, молодых песен.

У Янека были золотые волосы,—сказала старуха, сбирая вещи.

Войт молчал, повернувшись к окну...

— А Матвей любил спать на дворе. Сколько я и ни бралила его за это, а он... Он не будет спать...

Бабка Анна шла по улице, а люди говорили:

— Смотрите, наша знахарка пьяна! С чего бы это?

Серебряным пальцем своим он щекочет младенца в колыбели.

Когда ребенок скривится, месец замечает золотом волосы на его голове.

Когда лягва взмывает, закрывает месец колечками его уши.

Вырастет юноша, уедет в чужие страны—месец проводит его.

И матерь попросит, чтобы его луч присенли синеву ее слезу тоски, ее вздохи любви, ее материнскую ласку».

Бабка Анна вытерла глаза и пошла из избы.

Солдат весело закивал головой и ульбнулся, сказал ей, что-то. Такая же улыбка, как у Янека, такие же синие глаза, такой же налет золота на волосах.

— Ты убил моих сыновей — сказала бабка по-польски.

Солдат показал ей злая рожа своих белых, влажных зубов и промолвил.

— Ja, ja *).

Бабка Анна выпустила из сундука выпущенную рубаху Янека и сказала солдату:

— Видишь, это наделал мой сын мой младший. Когда он был ребенком у него были пухлые ножки, которые уступили место перепутанным ниточкам.

— Ja, ja — сказал солдат и, потрогав рубаху, защелкал языком.

— А старший Матвей, долго не умел говорить. Я нечаянно спала, думала. Я ногти не счидала... А теперь не все ли равно, какие ножки были у Янека и как я болела за Матвея.

НОЧЬ настала. Усталый и сырый солдат спал на полу. Бабка Анна сидит подле него и внимательно рассматривает убийцу ее детей.

У него над верхней губой огненный пушок—как раз, как у Матвея.

На правой щеке у него коричневая родинка. Этот родинку целовала мать, когда он был дитяtkом, целовала любимая, когда он стал стариком.

На груди у солдата—загадка. В ней, должно быть, щепотка родной земли.

Пора!

Бабка Анна зашвыривает в чайнике зерна. Вот-то будет напиток!

Солдат проснулся и начал болтать о чем-то своем языке, а потом присядся переборется. От него идет крепкий, здоровый запах потного мужского тела.

— Погоди, я тебе скажу, — сухо обрывается его бабка! — Ты убил моего сына и умершую.

Ja, кивает головой солдат.

— Знаешь ли ты, что такое мать?

— Ja, ja, — говорит солдат.

— У нас, в Висле, рассказывают вот что.

Много тысяч лет тому назад, когда не было еще ни одного человека, земля родила женщину-матер. Ее головы упиралась в самое небо, у груди ее ходили облака и гуляли звезды и месяцы. Она борола на земле, шагала через реки, горы, моря и на каждом шагу рожала по человеку. Так рождались земли людьми, и от них родились народы. Понимаешь?

— Ja, ja — кивает головой солдат.

Старуха Анна задумалась. Там за Вислой, на родине этого солдата, великая мать всего людского рода тоже побывала. Она была веде, И от этот парень, убийца ее детей, приходится им братом.

Мутится в голове у старухи-ведуньи, круги плывут перед ее глазами: брат убийца...

Солдат увидел на полке гармонику Матвей. Он широким улыбнулся и, взял гармонику в руки, начал играть на ней тихо-тихо.

У песни нет слов. Но ее звон проникает в глубину сердца, и сердце отзывается ему.

О чём поёт гармонику Матвей в руках его убийцы?

Она поёт о том же, о чём говорится в старой песне:

— Мать льет слезы, — что река текет,

Что река разлилась в половодье,

Будьте, как солнце, дети земли,

Согрейте мать, львище слезы...

И встанет с своего места, бабка Анна

подходит к печи и опрокидывает чайник с настоем в огонь...

Потом она гладит солдата по волосам, по-крытые налетом золота, и говорит:

— Золотые волосы... Золотые волосы...

А он кивает головой, лягнув что-то по-

своему, повторяя в конце каждой фразы:

— Ja, ja.

* Да, да.

О РАВЕНСТВЕ В НАШИ ДНИ

Л КОЛЕСНИКОВ

гравюра П СТАРОНОСОВА

ЖИТЕЙСКАЯ МЕРКА

В КАССЕ за получение выигнулась очередь рабочих. Когда один из комсомольцев расписывался против графы, где стояла цифра «20», его глаза скользнули выше. Там стояли цифры 40, 50, 60... Домой комсомолецшел, задумавшись.

«Ради чего совершили мы революцию, — думалось ему, — конечно, для того, чтобы всем жилось одинаково хорошо. А где это равенство? Вот мы с Колыковой Швецовыми комсомольцы. И что же? Я здесь 20 р. получаю, а он в литеином цехе все 60 загребает. Да, мало того. Инженеры наши вдвоем и втройте получают. Выходит, что о равенстве только говорили, — а на деле его нет...»

Дома у печки гремела ухватами мать. У стола пригромчилась тетка, приехавшая погостить из деревни.

— Здравствуй, племянничек!

— Здравствуй, тетка, что тебе в деревне не сидится — все в город ездишь?

— Да только уж хорошо увас, в городе.

Жизнь легкая, привольная...

Тетка с племянником не раз вступали такие словесные перестрелки.

— Ну, и легкая! — возмутился комсомолец.

— Конечно, конечно, легкая... Вон у вас восемь часов работай — осталось время отдыхай. А у нас? Круглый день, как белка в колесе вертишься. Заболеет рабочий, ему все-таки получку дают. Всякий раз у вас больше...

Тетка промолчала и намеренно громко вздохнула:

— Говорили — равенство, все должны равны быть. А вышло что? Рабочий — родной сын, а крестьянин — пасынок. Нету равенства промеж них.

* * *

Вечером комсомолец возвращался из клуба с руководителем драматического кружка. Петр Иванович любил поспорить с комсомольцами о Советской власти, о революции. Работал он хорошо, но скорее из любви к самому драматическому искусству, чем из симпатии к коммунистам.

— Возьмем хотя бы равенство, — начал он. — Говорил я всегда: не может быть равенства. Что же ты — дурак с умным умраньем? Взять меня. Я обладаю талантами. Разве можно поставить знаю равенства между мной и какой-либо бездарностью?

Комсомолец угрюмо молчал. Но Петр Иванович, оседлав любимого конька, не замечал этой невежливости.

— Ну, кричали на митингах, орали во всю глотку, но правы оказались только интеллигентные люди (тут Петр Иванович даже приосанялся). Люди с дарованием, с образованием, спешь — все равно выше стоят. Небось, спешу четвертный билет в месяц не положишь. Так и рассыпались в прах мечты большевиков о равенстве...

МЕЧТЫ ИЛИ НЕТ?

О РАВЕНСТВО заговорили первыми не коммунисты.

Великая Французская Революция, разразившаяся в конце XVIII века, т. е. сто с лишним лет тому назад, несла на своих знаменах лозунг: «Братство, равенство, свобода». Революция эта была буржуазной. Французская буржуазия сбрасывала оковы дворянского-помещичьего (феодального) строя. Что она подразумевала под лозунгом «равенство»?

Может быть, речь шла об уничтожении состоятельных и бедняков, богачей и нищих? Отдельные пыльные головы мечтали и об этом. Но буржуазия, конечно, такой программы не имела. Уничтожение разницы в имущественном положении людей возможно только при отсутствии частной собственности, когда все блага принадлежат не отдельным лицам, а всему обществу. Речь шла о равенстве перед законом, о равенстве политиче-

ском. Со словеные преимущества дворянства мешали буржуазии накоплять без ущерба богатства, именно, на основе частной собственности.

Конечно, политическая свобода, провозглашенная буржуазией, оказалась также иллюзией. Жандармы Французской Республики быстро выучилисьправляться с каждым рабочим, посыпающим «священное право собственности». Частная собственность, отрицая экономическое равенство, тем самым препятствует дорожу равенству в политическом. В данном случае «равенство» оказалось мечтой.

Глухие отголоски мечтаний о равенстве есть в христианском учении. Евангелие говорит о том, что нужно делиться последним: «если у тебя две рубашки, отдай из них одну». Чем не равенство? Конечно, в том же евангелии можно найти тысячи мест, говорящих совершенно обратное. Но и дележка — равенство невысокой марки. Разница в потреблении зависит от различий исполнения в производстве. Потребительская точка зрения, требующая только дележки, расписывается в своем неумении перестроить производственные отношения. А что дает дележка, если в производстве останется хозяин и раб? Через некоторое время понадобится новая дележка, при чем сомнительно, чтобы хотя один из хозяев пошел на нее добровольно.

Кроме того, сама по себе дележка часто бессмыслица. Машину пришло бы поделить на тысячу поршней, винтиков, рычагов и т. д., совершенно бесполезных в отдельности друг от друга.

Прокальзывающие в евангелии призывы к потребительскому равенству также являются бесплодной мечтой.

Но о том же ли говорили коммунисты? Коммунисты хотят достичь равенства путем создания нового способа производства, основанного не на частной собственности, не на началах коммунизма. Все средства производства, фабрики, заводы, земля, все, что может служить источником жизненных благ, должно принадлежать всему обществу. Исчезновение частной собственности разрушит классовые перегородки. Есть все основания предполагать, что с исчезновением конкуренции и всяких накладных расходов в виде войн, забастовок, роскошества кучки избранных и т. д., богатство человечества возрастут во много раз. Лозунг: «от

каждого по его способностям и каждому по его потребностям» будет тогда вполне осуществимым. Общественное владение средствами производства устранил всякую возможность — нахлынувших и возвышения над другими по линии богатства:

«Ростовчан будет жадничать втуне,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков.

Равенство при коммунистическом способе производства не мечта, а неизбежная действительность.

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТОРОПИТЬСЯ?

А СЕЙЧАС?

Пока мы не пришли в обетованную страну коммунизма — возможно ли равенство?

Конечно, сплошным вздором является утверждение, что нашим идеалом является уравнение всех людей в их личных качествах и способностях. Мы гордимся каждым выдающимся революционером. Советская власть всячески помогает талантливым людям, проявляющим свои дарования в разных областях. Помощь оказывается самоучкам-изобретателям, помощь оказывается старым ученым. Коммунисты чутко прислушиваются к каждому таланту.

Но мы добиваемся другого. Мы добиваемся того, чтобы представители прежде угнетенной части общества — рабочие и крестьяне — могли на равных условиях готовить и обогнать таланты, выдвинутые буржуазией и буржуазной интеллигенцией. В прежние времена рабочий или крестьянин мог только случайно пробиться к знанию и состязаться тут с выходцами из угнетательских классов. Такие мощные таланты, как Ломоносов, выходившие из гущи народной, являлись редкими вспышками в беспросветной тьме. Политика Советской власти привела к тому, что мы имеем сейчас тысячи талантов, поднявшихся из низин трудящихся масс. Рабфаки, все лотьги, стипендии и т. д., оказываясь рабочим крестьянам, — мощный рычаг, который позволяет нам обогнать, расширить колонну наших талантов, а не обкарнить ее. При коммунизме, конечно, будет больше талантов, нежели сейчас, а не меньше.

Но нельзя ли сейчас осуществить политическое и экономическое равенство?

Приведем две выдержки из речей тов. Ленина. В мае 1919 г. т. Ленин говорил:

«Мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда нужно уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как пада, на мельницу буржуазии.

Всякому известно, что крестьянство является массой мелких собственников. Без руководства со стороны пролетариата, без подчинения пролетарскому влиянию — крестьянство никогда не смогло бы разбить само сковывающие его поместьческие путь. Без этого руководства в крестьянстве возможны были бы различные колебания. Но можно ли руководить, находясь во всем на равной ноге? У пролетариата должны быть известные поли-

тические преимущества, иначе он утратит свою руководящую роль.

Если не может быть политического равенства между рабочими и крестьянами, то что говорить о неплате, бывшем полицейской и т. д.? Их и на версту нельзя подпускать к Совету. Мне недавно пришлоось беседовать с известным писателем Г., который пишет советские на 100% произведения. «А знаете ли», — говорил Г., — к десятилетию Октябрьской революции обязательно будет амнистия всем бывшим полицейским. Враళа всех утомила». Это обычная обывательская точка зрения. Не из вражды только мы подозреваем крылья измамам и полицейским; мы забытими о твердости диктатуры пролетариата, которая одна обеспечивает правильное прорвание к коммунизму и, стало быть,

и к прочному равенству. Во что бы превратился Совет, если бы выборщиками стали измамы и бывшие полицейские?

Но равенство экономическое?

Вот другие слова тов. Ленина. Споря с т. Троцким во время дискуссии о профессиональных союзах, т. Ленин приводит слова Троцкого:

«Области потребления, т. е. условий личного существования трудящихся, необходимо вести линию уравнительности. В области производства — принцип ударашица еще надолго останется для нас решающим».

Тов. Ленин решительно возражает против этой мысли:

«Это теоретически совершенная путаница, — говорит Владимир Ильин. — Это совершенная путаница. Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления — ничто. Если меня так будут предложить, что я буду получать восемьшина хлеба, — так благодаря покорно за такое предпочтение. Предпочтение в ударности есть предпочтение в потреблении. Без этого ударность — мягкотель, облако, а мы все-таки материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь «ударность», — тогда дай и хлеба, и одежды и мяса». (Собр. соч. т. XVIII, стр. 15).

Никто не станет возражать против того, что у нас — нужда в квалифицированных рабочих и не меньшая нужда в специалистах. На одних чернорабочих далеко не уедешь. В чем же должно выражаться наше предпочтение квалифицированным рабочим и специалистам?

Мы уже слышали из уст Ильина, что предпочтение в работе, большее значение в производстве должно вызывать и предпочтение в потреблении, т. е. в заработной плате. Мы еще слишком бедны для того, чтобы обеспечить довольство всем поголовно. Поэтому прежде всего и больше всего нужно заботиться об ударных отрядах рабочего класса и вообще работникам хозяйства.

Такое положение, когда один рабочий получает 20 руб., а другой 60, а третий 100, вовсе не наш идеал. Как же быть? Давать всем по 100 — хватит. Значит, давать всем по 20? Где же здесь предпочтение квалифицированным рабочим? Нет речи, нужно постепенно подтягивать низшие разряды к высшим. Политика заработной платы в Советском Союзе к этому и сводится. Но она рассчитана на долгие годы.

Таким образом, экономическое равенство невозможно при нынешних условиях даже в рядах самого рабочего класса.

В коммунистическом обществе не будет денег, не будет тарифных разрядов и т. д., но в нем не будет и цеховых специалистов, в нем не будет и «ударных отрядов» рабочего класса, которым мы должны оказывать предпочтение.

ПЕСНЯ МЯТЕЖА

Брезент на буро
Туман набрасывает.
Тебяль забуду
Я, бунт у атросов?

Тебель я в сердце
Ударя Черным?
Пусть песнь несется
По непокоренным.

Запели дула
Винтовка меткна
Стоная от гула
Туман на ветре.

Брезент на буро
Где-ж адмиралы?
Тут вся ладури
Озлынья — мало.

Она не сломит
Копен к пощаде,
В туман несло их,
Как борц в ушате.

И болю в палубу,
В борт — как в бубен.
Такую жалобу
Но закрутишь в губы.

Стекло море
Лдей на варром,
Кипело горюшко
Самоваром.

Дм. Петровский.

ПРИЯТЕЛЬ

Узок мир, да широко разгулье,
Поманя лишь, свистни за порог,
На шинельку,
На ноган из тулы,

На кривую меченую пулью

Променял певчий молоток.

Знат не даром,

Зимнее мятелью

Надрывалась жалобой гудки.

Если сердце о боях запело,

Кренко на-крепко склончивому телу

Можно пременять их на штыки.

Так...

А нынче борода над бровью,

И пятно на выцветшем виском,

Пахнут горкой и соленой кровью,

Напомнина о былом.

И еще, что милой не замечен,

Бурный шрам, наполерон-щеки,

Говорят о злобе человека,

Что острей бывает, чем штыки,

Что милю лучших явств на свете,

Лучшин глаз влюбленнейших тоек,

Этот хрест, не высвавивших веток,

Этот злой, и беспомойкий ветер,

Взмахи клинка

Щеки курка.

А. Ясный.

Звать сейчас к равенству, до уничтожения классов и переустройства всего нашего общества на коммунистических началах, значит звать к равенству в пище, к бессыденной дележке, а не созидательной работе по завоеванию довольства для всех. Попытки осуществить полное равенство в наши дни только отняли бы действительное и прочное осуществление его в будущем.

КУДА ЕХАТЬ ЛЕТОМ?

ЮЖНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ
КРЫМА

Н. ИВАНОВА, спички С. КРАСИНСКОГО

БЕСКОНЕЧНЫЕ степи на севере, синее море на юге. И между ними, точно брошенный смелой рукой—небольшой полуостров, чуть связанный с материком.

Постепенный подъем к югу и резкий обрыв Яйлы у южного берега. Снег на горах и чуть ли не вечная весна внизу у моря. Хвойные леса и в полуверсте от них—сплошные заросли роз.

Остатки генуэзских крепостей и стоявших башен, татарские саксы, дворцы и дачи, индийская телеграфная линия, византийская мозаика и итальянский орнамент... Пестрая смесь стилей многих народов и многих эпох. Точно кто-то взял в горсть всего понемножку, смешал и... швырнул в этот уголок Черного моря.

Много видел Крым... Тавры, скифы, печенеги, хазары, греки, римляне, генуэзы, турки, татары, славяне... Все прошли через Крым—одни бесследно, другие—оставив кто башню, кто развалины маяка, кто кусок дивной мраморной резьбы... Много человеческих волн разబилось о стены крымских городов-крепостей, горы трупов легли на дне Сиваша.

Точно нарочно прискеплен кто-то Южный Крым к нашим степям. Он—осколок иного мира, ему родня не степи, а горы и долины Малой Азии и Балкан.

Бахчисарай—не такой уже маленький город, а можно в версте от него пройти и не знать, что рядом город. В глубоком и тесном ущельи, по склонам гор, нависших с обеих сторон над ущельем, раскинулась столица крымских ханов.

СПРАВА — ГОРНЫЙ АУЛ — вид, характерный для внутренней части Крыма
ВНИЗУ — СУДАН: БУХТА И ПЛЯЖ. Это очень типичный пейзаж для той части Южного берега, которая лежит между Гурзуфом и Феодосией, подальше от освещенных курортов.

Когда-то пышный город, в зелени садов, в блестящих струях фонтанов...

Длинная узкая улица тянется версты на две вдоль всего города, вдоль ущелья. Ворота... старая — престарая мечеть... во все стороны разбегаются узкие, едва замет-

ОСТАТКИ СТОРОЖЕВОЙ БАШНИ,—одной из построенных генуэзцами в Крыму

ные переулочки, путаются, сходятся и расходятся, спускаются вниз, поднимаются вверх и, в конце концов, вливается снова в эту главную, Базарную улицу.

Лачужки, то сбившиеся в кучку, то рассыпавшиеся в стороны. Лавочки, весь товар которых—десятк баклажан, фунт черешни и пяток огурцов...

Крик музданца с мечети... Правоверные толятся у ближайшего фонтана... Полумрак и прохлада мечети. Гнусавый голос невидимого чтеца. Загадочный шопот... Общий воздух... Перебежки блестки солнца. Вдруг—общий крик: «Алла!

Восточная сказка: ведь мы в Бахчисарае.

Караван-Сарай—ханский дворец. Куча построек: сам дворец, мечеть, ханское кладбище. В мечети хоры. Хан молился отдельно, невидимый своими подданными. Кладбище уютное, залитое солнцем, блещущее зеленью. Ханы, их жены и родственники

лежат здесь, придавленные плитами и памятниками. «Да покроется мир трауром и да раздерет воротник своего платья»—заключительная фраза надписи на памятнике Арслан-Гирею.

Дворец с рядом полутемных комнат. Знаменитый фонтан слез. На мраморной доске масса чашечек, —вода из верхних по капелькам перетекает в нижние. Медленно капают капли, точно тихие, неутешные слезы...

Гарем дворца. Когда-то 73 комнаты. Гаремный садик и купальня, башня, из которой жены могли любоваться соколиной охотой своих повелителей. Хаотична масса комнат. Пестра и аляповата их раскраска. То тут, то там вы неожиданно для себя попадаете во внутренне сады. Их масса. И неудивительно, что название всему этому хаосу—«Бахчисарай» (дворец садов).

Известковая пыль... Выжженная солнцем полустепь... Горы, горки и горки. Дорога поднимается. Рощи, поля, сады. Зелень, ручьи. Мы близ Байдарской долины. Зигзаги дороги. Все вверх и вверх. Последний поворот и...

Перед вами оно—море! Необъятное, сливающееся с горизонтом. Оно—близко. Ка-

РЕМОНТ ЗДОРОВЬЯ—на балконе дома отдыха

жется—у самых ног. Ошибается—до него около двух verst. Уступами, почти отвесно падает берег вниз.

Зубчатый башней поднимается над Ялтой вершина Ай-Петри, точно сторож, выдвинутый горами вперед, поближе к морю. Сосновые леса ползут—карабкаются кверху. Деревья цепко лезут на горы, густой стеной столпились внизу.

Резкими уступами—террасами спускается берег. Песок, известняк... Сосновые рощи вверху, у гор... Выхоженные солнцем известняки пониже. А у берега... У берега—красавица Южного Крыма. У берега—Алупка.

Строгие серо-зеленые средневековые башни дворца, до крыши покрытые зеленью. Широкий двор кажется узким-узким от высоких стен и башен. Готические окна, железные решетки. Это—со стороны гор. А с моря... С моря—арабская сказка. Сказка из «Тысячи и одной ночи». Белое мраморное кружево, мавританская терраса, сверкающая на солнце мраморная лестница, сбегающая вниз, и львы на ее ступенях. Альгамбра.

Алупкинский парк: Аллеи мрачных пинаки-ров, веселые, заливные солнцем лужайки, окаймленные лавром, гигантские кедры и платаны. Ручейки—то тут, то там пробегающие между скалами. Розовые шапки цветов олеандра, одуряющие пахнущие магнолии. И скалы, скалы... Пруд с белыми лебедями и ивами до земли по берегам.

Скалы у моря. Белые, точно стеарин, лепешки медуз в теплой воде. Непрестанное шуршание морской волны.

Белая известковая пыль, гирлянды роз. Розы везде: на заборах, на каменных стенах, вверху, внизу. Вот, что запоминается из самой Алупки. Мечеть, фонтан около нее. Татарки, стирающие белье

и заглушающие трехскотней своих языков стук валька.

Сидят солдаты, взойдя луна. Ярко блекают в непроницаемом призрачном свете мраморные ступени Альгамбры. Спит лев на нижних ступенях лестницы, встал, готовый к прыжку, на верхних. Узкие тени бегут по дорожкам парка от кипарисов, совсем теперь черных, еще сильнее пахнущих розами и лаврами. Шуршат морскиеволны, играя с песком. Дробятся полоски лунного света в мелкой волне. Звенят кузнички.

Несколько часов утомительного пути.

Туда—вверх. На Ай-Петри. Круглая тропинка, осмысающие камешки, скользящая хвоя. Сосны, за которые так приятно ухватиться и постать, передохнуть. Не удержаться—еще скатишься обратно, и тогда лезь, карабкайся снова.

Выше и выше. Сосен меньше, меньше. Камни все чаще и чаще вырываются из-под ног, и, кувыркаясь, подпрывая, летят вниз по обрыву.

Ялта. Безжизненные каменные поля. Как будто гигантские волны моря вдруг застыли и превратились в каменные гребни Ай-Петри.

Бездна под ногами. Быстро бегут вниз сосны, сплошная темная зелень леса у подножья горы, незаметно переходят в сады и парки берега. Точно скатываются сады в самое море. Отдельными кучками виднеются постройки Алупки, Мисхора, Кореиза. А за ними—море. Море, сливающееся своей синевой с синью неба в одно необъятное пространство, из глубины которого льются потоки тепла и света на эту зелень, на скалы, на эту лазурную бездону.

Мисхор. Ай-Тодорский маяк, повисший над морем. Оливковые рощи Олеиза. Развалины сгоревшего дворца Орианды. Из буйной зелени видно

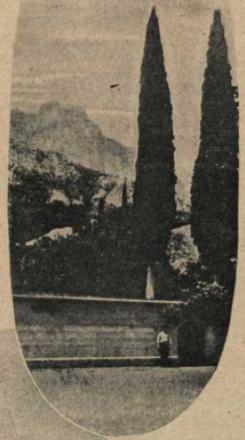
СПРАВА—ВИД НА АЙ-ПЕТРИ из Алупки. Тот, кто

несятся белые колонны, остатки стен. Ливадия—с ее тяжелыми, так не идущими к Южному Крыму дворцами,—теперь дома отыха для крестьян. Веселая и пестрая Ялта. Массивное туловище, точно зверь—великан—«Медведь-горы, Аю-Дага, замывает подернутую легкой дымкой голубое море вдали.

Виноградники с их правильными рядами подвязанных кустов, табачные плантации, тутовые деревья с их похожими на малину и предательски пачкающиеся плодами ягодами. Скрипучие мараки. Белая известковая пыль на рожденных камнями дорогах. Роции оливковых деревьев, греческие орехи, маслины, персики. Жгучий зной, голубое небо, море вдали и ослепительно-сверкающее солнце.

Южный берег—гигантская теплица. Огороженный от северных ветров горами, он точно другой мир. В Симферополе снег, а здесь цветут розы. На южном берегу не знают зимы, не знают двойных рам. Море летом смягчает зной, а зимой—теплит берег, отдает ему скопленные за лето запасы солнечного тепла.

Красив Южный Крым!..

пойдет по Южно-бережному шоссе вдоль моря, между Алупкой и Ялтой,—уединяя много таких картиночек

ВНИЗУ — ЯЛТА С МОРЯ: на заднем плане видны горы Крымской Ямы, которые защищают Южный берег от холодных ветров

ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ

РЕДАКЦИЯ ПОМЕЩАЕТ ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ ЛИДЫ С СОХРАНЕНИЕМ СТИЛЯ И ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРА

Тов. СМИДОВИЧ!

Я ЧИТАЛА ваши статьи о быте, помещенные в журналах и газетах, а потому вывела заключение (хотя это и нелегко было), что вы хорошо знакомы с бытом молодежи, и мне хочется получить на некоторые вопросы ответы или, вернее, что делать? У меня хотя и есть свои ответы, но, может быть, я ошибаюсь, а вы, во всяком случае, гораздо больше знаете меня жизни и можете дать ответ, как старший товарищ, а, может быть, вольте новую струю в мое мировоззрение. Дело в том, что вопрос о новом быте слишком спорный, и каждый понимает по-своему, даже в среде партийцев и комсомольцев не встречаются одного мнения.

Теперь я освещу несколько фактов моей жизни.

Мне 19 лет, живу я в Узбекистане — так далеко от центра. Столкнулась я вчера два раза с одним вопросом в моей жизни. Первый раз — было год тому назад. В яичке я встретилась с одним комсомольцем Х и как-то неожиданно увлеклась им, то же самое я встретила с его стороны (может быть, в меньшей степени). Возвращались вместе с собраний, заседаний биро и т. д. Заходили, как поглагается, в темные уголки сквера, сада, улиц и тоже, как всегда, целовались. Я уходила домой вполне довольная. Но это было только месяц, потом в один вечер обрываются поцелуи. «Нет, я не могу, мне нужно больше». Мне же совсем ничего не нужно было больше. Я говорю, что «нет, этого не может быть», поскольку я молодая; и затем, коверкать жизнь из-за мимолетного увлечения (принимая во внимание аборты) не стоит.

Х говорит: «абортон не будет, а я гарантировано жить с тобой месяцев семь». Я, конечно, на «такие» выгодные условия « слов и я » не согласилась. Х говорит, что он тогда уйдет к другой и, может быть, ему не придется тогда видеть меня. Я согласилась на последнее, ибо он не желал тратить свободы из-за меня, а я этого не хотела.

Правда, мне было тяжело сперва. Я сомневалась в своем решении, готова была снова вернуть свое решение, тем более он мимоходом бросал слова: «напрасно отказывается от своего счастья». Но затем он уехал, и только недавно я встретила его, как комсомольца, на одной яичке. Мы пошли домой вместе, но так чужды были мы друг другу, словно стены выросли между нами. Это первый случай, а теперь — второй.

Летом я часто посещала свой профклуб и часто видела одного комсомольца. Между нами были хорошие дружеские, именно дружеские, отношения; совершенно не было различия полов, но в ноябрьские месяцы почему-то перешло в чувство. Мы все знали друг о друге как в комсомольской, общественной, так и в личной жизни. Но опять я столкнулась с тем же фактом. Опять: «почему я люблю и не хочу удовлетворять его потребности» (хотя чувство иной раз допускало это). Я не согласилась, а он не хочет связывать

свою судьбу, губить жизнь и т. д. Мы и не кончили все и между нами остались дружеские отношения, но встречи не обладают той полнотой и чистотой чувств, как было прежде. Вечно вертишься один и тот же разговор: почему я не хочу?

Почему «они» только хотят одного и потом уйти, совсем не считая с тем, что я могу исковеркать свою жизнь abortion и сознанием того, что я только уделала его и он уйдет?

Почему это все они хотят тайком жить где-нибудь на траве? Я не думаю тащить в ЗАГС, а просто жить вместе, если я гожусь в подруги жизни. Ясно, ведь, я не требую уюта, материальной обеспеченности, а только того, что мы будем жить вместе, а не скитаются и не пугаешь малышего щенка, что вот кто-то идет... Я стою на перепутье, я не знаю — права, я или нет? Ну, хорошо, ну, а дальше? Я встречаю опять кого-нибудь, и опять начала одно и то же. Что же делать, не то жить под кустом, не то уходить и кончать все — и получается так глупо и не знаешь, кого ругать — не то себе, не то другого. Я решила написать вам письмо и поделиться с вами, как со старшим другом, который имеет жизненный опыт, а я, как говорится, «приму к сведению и руководству».

С комсомольским приветом Лида.

Если я сейчас могу так сравнительно быстро кончить, то потом это будет совсем трудно, когда я буду старше, и тогда я буду вспоминать ваш ответ, если только он будет.

О Т В Е Т т. СМИДОВИЧ

РАЗРЕШИТЕ мне, дорогой товарищ Лиды, не ответить вам лично, а побеседовать на затронутую вами тему в статье на страницах «Смены», через редакцию которой вы и направили мне свое письмо.

Вы совершенно правы, характеризуя то, что предлагали вам эти парни, как стремление удовлетворить свои потребности, не беря дальнейшей ответственности за вытекающие отсюда последствия.

«Семь месяцев», а потом могут наступить и обычно наступают 8 и 9 месяцы беременности, наиболее трудные для женщины, уродующие ее в большинстве случаев, как самку, и подготовляющие весь организм как физически, так и психически к одному из значительнейших моментов в жизни женщины: к рождению ребенка. Этот парнишка кое-что понимает в физиологии.

Не в его интересах возиться с женщиной, хотя бы временно утратившей свою привлекательность самки, а затем взять на себя тяжелую ответственность за эту новую жизнь, которая является обычно результатом полового союза мужчины и женщины. Он предсматривает, этот парнишка, «гарантируя» семимесячное семейство «счастье» (правда, под кустом), а там он за себя не ручается, так как Лида не одна на свете. Наоборот, их очень и очень много. Все обладают красотой мо-

лодости и все превратятся в неинтересных беременных женщин приблизительно через семь месяцев, в продолжение которых им можно гарантировать «счастье».

То, что вы с такой безыскусственноностью передаете насчет гарантii счастья в продолжение семи месяцев, поспирт со многими художественными моментами, должностными изображениями в литературе «tragédie женской души», «проблема пола» и проч. и проч.

Да, на долю женщины, дорогой товарищ Лида, выпала почетная роль быть непосредственной воспроизводительницей человеческого рода. Эта роль, которая возложена на женщину, в значительной степени определяет и все ее отношение к любви.

Любовь для нее это — «семь месяцев», которые можно, конечно, при желании (особенно на юге) провести молодой паре «на траве и под кустом», а длительный процесс зачатия, ношения, рождения, кормления и воспитания нового существа. Всего этого «под кустом» не осуществить.

Конечно, могут быть случаи бездетных браков, но они редки, в счет не идут, и не они определяют отношения женщины к любви. Правда, настанет время, и оно при наших условиях уже не за горами, когда государство возьмет на себя функции воспитания и питания ребенка, но сейчас, в наше переходное от капитализма к социализму время, женщина все еще несет ответственность за произведенное ею на свет дитя, и это продолжает определять ее отношение к любви.

АбORTы для женщины уже не являются выходом. Слишком достаточно напоминать в этом отношении. Аборт ценен в случаях исключительных, когда это единственная возможность спасти матерей.

Для случаев нормальных, когда весь организм женщины устремлен к материнству, аборт калечит женщину физически и морально. Аборт — выход только по мнению и в уставах тех юных парнишек, которые тщетно ищут возможности каким-либо способом отвязаться от последствий половых взаимоотношений с женшиной.

Имеем ли мы право клеймить мещанством отношение трудящейся женщины к любви?

У мужчин более легкое отношение к вопросам пола в основе об'ясняется, конечно, тем, что он не вынашивает, и не рождает детей. Чувство к женщине у мужчины определяется поэтому в основном моментом удовлетворения половой потребности, и этим об'ясняется, что, как физиологический тип, мужчина склонен подходить к женшине только как к красивой самке и менять ее по мере надобности.

Однако, причина социального характера вносит изменения в такой чисто физиологический подход к женшине посторонку, поскольку семья является на протяжении целого огромного периода жизни человечества хозяйственной ячейкой, без которой не может существовать общество.

Производственные отношения на известной ступени развития человечества

определяют форму и содержание семейных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Буржуазия «любит» свою жену, как свою собственность и мать наследников его имущества, предоставляет ей известные жизненные удобства и удовлетворяя свое стремление к перемене саки на стороне.

Пролетарий в своей борьбе за существование как личности, так и класса, стремится рядом с собой иметь друга и товарища, а не беспомощную самку, которая годна только для воспроизведения рода.

На стороне ему нет возможности развлекаться, так как ни времени, ни денег для этого ему не обеспечила судьба.

Производственные отношения, которые обусловили вовлечение женщин в производство, делают из нее равноправную подругу жизни мужа—пролетария. Те же причины придали новую форму семье пролетария, сделав ее действительно моногамной (единобрачной), основанной на общих интересах членов семьи.

Равноправие, общность интересов, творческие взаимоотношения между родителями и детьми, отсутствие мещанской узости, поскольку эта семья—часть коллектива, часть класса, который может выполнить свою историческую роль только в тесном единстве, в полной солидарности всех его членов.

Только такая семья соответствует экономическим интересам нашего переходного времени. Вместе с развитием производительности, вместе с индустриализацией нашей страны, все большее количество женщин будет втягиваться в производство, создавая тем самым основу для всяческого развития новых равноправных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Работа партии и государства по раскрепощению женщины будет понемногу освобождать женщины от повседневных домашних забот и развивать взаимоотношения, основанные на равном участии в жизни общества мужчин и женщин.

Общая работа, общий отдых, общие интересы соц. строительства должны все больше и больше закреплять эти взаимоотношения. Общие дети при этих условиях создают новый общий интерес к науке воспитания ребенка, созидания из него творца будущего. Переходный период, который закончится социалистическим устройством общества в развернутом виде, должен таким образом не разрушать пролетарской семьи, а способствовать созданию новых крепчайших уз между мужем и женой.

Вместе с отмиранием последних остатков хозяйственных функций семьи оторвутся и последние отношения к женщине, как к слуге, существу низшего порядка. Таким образом, в наш переходный период должно закрепляться то отношение к женщине, которое зародилось еще при капитализме в семье рабочего, и отмереть все, что связано с отношением к женщине буржуазии, как к вещи, к орудию наслаждений.

Переходный период—это период выявления пролетарской государственности и социалистических элементов общественности, а не расхлябанности и всяческих «свобод», цену которым пролетariat хорошо знает.

В АПРЕЛЕ и МАЕ

в восьмом, девятом и десятом
номерах журнала

«КОМСОМОЛЬСКАЯ УЧЕБА»

будут помещены проекты программ комсомольских полититиков I и II ступени и деревенских кружков полититиков

В мае месяце будут помещены программы по самообразованию на первый период и программы курсов по предподготовке к руководителям деревенского полититического и городского полититического.

Ввиду ограниченного тиража журнала, издательство просит все ячейки и организации подписаться на журнал заблаговременно. Иначе вы лишишьтесь возможности своеобразного ознакомления с программами ЦК, так как в других печатных органах они помещены не будут.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1 мес. — р. 45 к.		6 мес. 2 р. 40 к.
3 » 1 » 25 »		12 » 4 » 70 »

имеются комплекты с 1-го номера

В Главном Контроле Издательства «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Москва, Новая площадь, д. 6/8

Если «любовь под кустом»—разнуданность, распущенность, несчитание с физиологическими последствиями любви—эта теория «стакана воды») и есть коммунистическая любовь, то ясно, что мы будем поощрять такие явления и считать... переходом к высшей ступени взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В обратном случае, если мы придем к заключению, что это отрыжка буржуазного мира, который брызжет ядовитой слюной на нашу новую, только что складывающуюся, пролетарскую, общечеловеческую, то мы постараемся возможно, скорее спрятаться и с этим злом.

Ваше письмо ясно показывает, что вы присоединяетесь ко второму решению, т.-е. всем своим существом протестуете против стремления использовать вас, как орудие насилия. Ваше здоровое, чувство женщины, могущей стать матерью, ничуть не противоречит интересам нашего пролетарского государства.

Плыть против течения, не помогать, а торзовать своему государству в выполнении его задач, является как раззнаком мещанства, индивидуалистического, эгоистического подхода к жизни.

Интересы трудящейся женщины, будущей матери, которая совсем не планирует устраивать свою семейную жизнь «на траве» и «под кустом», кото-

рая предвидит и физическую и моральную необходимость нормального производства на свет и воспитания здорового потомства,—как раз, наоборот, совпадают с интересами пролетарского государства.

«Трава», «кусты», как олицетворение неорганизованной, беспорядочной половины жизни—сегодня с одной или с одним, завтра с другим или другим—суют государству в будущем немалое количество искалеченных людей и беспризорных детей.

Но, значит ли это, что девушка должна искать выгодного жениха?—Нет, это значит только, что тот, кто вместе с нею произведет на свет ребенка, должен взять на себя заботу о нем. Мы имеем в виду только трудящихся, т.-е. людей, единственным обеспечением которых является заработка. Мы имеем в виду именно тех девушек, которые не хотят уюта и комфорта, не собираются «тащить в ЗАГС» (хотя против советского узаконения брака в ЗАГС мы абсолютно не возражаем), а хотят вместе жить с тем, кого полюбили; не считают нужным «бояться каждого шага», а стремятся открыто признать своего друга, товарища, мужем.

Одна половина связи между людьми не создает прочного союза. Вот почему женщина, стремящаяся к крепкому союзу, который даст возможность совместно вырастить ребенка, в большинстве случаев не довольствуется одним половым чувством со стороны своего мужа. Она хочет в его лице иметь друга, товарища. Чем больше будет, помимо полового чувства, еще и так называемых духовных связей в их взаимоотношениях, тем прочнее будет их союз.

Вы грустно качаете головой. Ваш личный вопрос не разрешен.

Да, пока вы не поробаетесь над разрешением общего вопроса, трудно вам будет получить удовлетворяющий ответ и в своем личном.

Прежде всего, будьте твердо уверены в своей правоте. Не идите по пути уступок, потому что они не принесут вам ничего, кроме разочарования и горя, а обществу, в котором вы живете,—ничего, кроме вреда.

Факты из вашей жизни, о которых вы пишете, все-таки не являются единственно определяющими наш быт.

Растет и здоровая пролетарская молодежь со здоровыми крепкими инстинктами, лишенная всей той гнили и разложения, которым все еще даёт на нас изыхающая, проклятая, смрдящая буржуазия.

Комсомол всячески поддерживает эти здоровые тенденции в жизни молодежи и борется с тем, что характеризует не здоровый подход к вопросам пола.

Работать по организации нового быта, борьба за создание нового человека—величайшее счастье.

Это новое, небывалое еще в истории человечества, рождается в мухах. Молодежь увидит в полном расцвете ту жизнь, которая сейчас зародилась.

С величайшим вниманием она должна наблюдать за правильным ростом ее буйных побегов.

¹⁾ См. обясн. в брошюре К. Цеткин «О Ленине».

Ф О Т О - Э К Р А Н

CHUMMIE "WIDE WORLD PHOTOS"

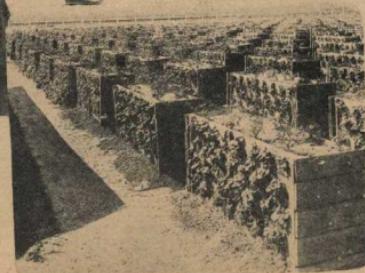
ШАНСЫ АМУНДСЕНА
РАСТУТ: на снимках
справа изображены аэро-
планы полярной экспеди-
ции Вилькинса, которая
должна была лететь
к Северному полюсу с
Алaska на трех самоле-
тах. При доставке на

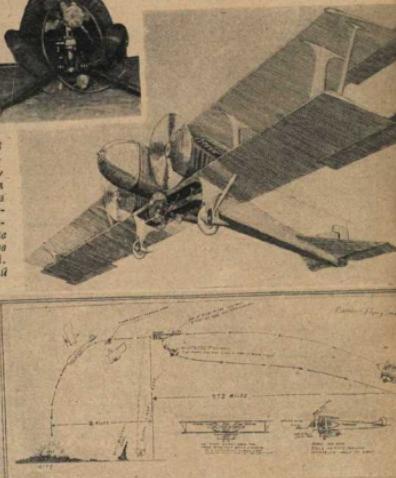
ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТАКИ. Рабочие текстильных предприятий в Паскаке (штат Нью-Джерси) забастовали после того, как владельцы провели понижение заработной платы. Для разгона демонстраций полиция пустила в ход пулевые и удушающие газы. Защищавшиеся ответили на это применением противогазов и организацией драконов. На конец, когда, небез опасно, что

Аллаксу—две машины были попорчены, и экипаж решил лететь на учебавшей тренировке во время пробного полета последней «Фоккера» получив аварию при посадке, испортив пропеллер и мотор. Опасный соперник Амундссена Вилькинс, должен ждать, пока ему будут привезены новые машины, и, может быть, опоздает на время полета, чтобы успеть открыть в этом году **НА СНИМКАХ:** Фоккер «Аллаксинер», машина последнего полета и после нее

ВВЕРХУ—ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ОТЕЦ ГРАНТ, глава католической общины в Вильмингтоне, который находит возможным для своей христианской и паствы кротости использовать нееров, содержащихся в рабочем доме, за непринятие истин католической веры.

НОВОЕ ОРУДИЕ ИСТРЕБЛЕНИЯ: воздушные кури из Америки и Европы новым изобретением, рисунок которого показан здесь. Капитаны армии, снаженный атомическими взрывами, летят, управляясь ленточкой из самолета, привешенной под кабиной. Тело этого большого самолета напоминало изображение птицы и представлялось из себя большую бомбу. Особенность изобретения в том, что когда самолеты подлетают на го-15 тысяч футов к противнику городу и находятся в зоне обстрела, ленточкой из никеля момент отцепляется, а верхняя обшивка отделяется краем с никелевым корпусом, подобно японской аэробоме, по инерции болтается в

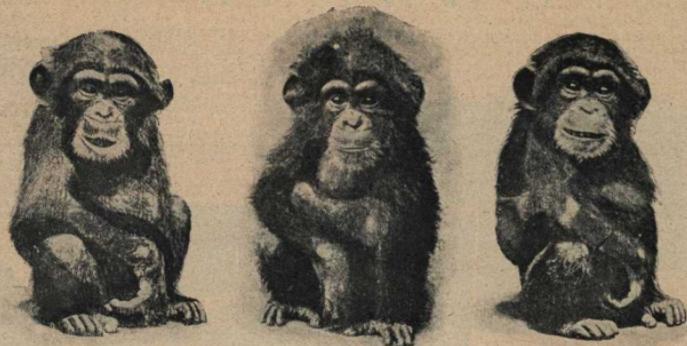
НЕ ТАК ДАВНО в газетах промельнуло коротенькое сообщение о том, что из Парижа выехала в Африку экспедиция профессора Иванова, цель которой — произвести скрещивание человека с обезьяной. Это сообщение вызвало в публике много разговоров и повергло в неописуемый ужас старых баб, хотя им, конечно, от этой экспедиции никакой опасности не грозит. В чем же, однако, дело и каковы истинные задачи экскурсии?

Экспедиция отправлена на средства Советской власти. Во главе ее поставлен харьковский профессор И. И. Иванов, лучший знаток вопросов: искусственного оплодотворения животных. За окончательным оборудованием экспедиция направилась в Париж, так как там несколько лет назад были поставлены тот же вопрос, за разрешением которого проф. Иванов теперь едет в Афики — на родину гориллы и шимпанзе. Вопрос этот таков: «Возможно ли получить помесь между человеком и человекообразной обезьянкой путем искусственного оплодотворения?»

Зачем же нужен этот опыт и можно ли ждать, что он оканчивается успехом?

Никто из ученых теперь не сомневается, что человеческий род произошел естественным путем от низших обезьянноподобных существ. Однако, когда ученые пытаются подробно нарисовать картину происхождения человека, между ними возникает разногласие. Одни считают, что близкайшими родственниками человека являются человекообразные обезьяны (именно: шимпанзе, горилла, орангутанг), другие же доказывают, что человек имеет лишь очень отдаленное родство с современными породами обезьян, а ведет свою родословную от предков, общих для него и для всех обезьян. Фазица между этими двумя мнениями очень велика: согласно первому, предки человека сравнительно недавно отделились от линии развития человекообразных обезьян; согласно же второму мнению, предки человека были самостоятельной группой еще задолго до появления первых человекообразных обезьян. Эти взгляды борются между собою в науке, и исход этой борьбы повлияет на наше представление о том месте, которое надо отвести человеку среди других живых существ. Для решения же этого важного вопроса — степени родства человека с человекообразными обезьянами, опыты проф. Иванова и будут иметь огромное значение.

Дело в том, что ученые давно пользуются скрещиванием различных пород для определения их близости друг к другу. Так же профессор Иванов произвел интересные скрещивания в зоопарке Аскания Нова. Ему, например, удалось получить помеси (гибриды) между зурами и бизонами. Зуры — огромные, почти вымирающие европейские дикие быки, самые крупные из диких обитателей Европы. Бизоны — великаны среди американских млекопитающих, тоже из породы быков. Ученые давно предполагали,

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНАЯ ОБЕЗЬЯНА — настолько высокоразвитое существо, что она способна менять выражение своего лица». Изображенный здесь шимпанзе сидит в веселом настроении (слева), заинтересованный (в середине) и, наконец, — в моменте испуга (справа)

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОПЫТ

МОЖНО ЛИ ПОЛУЧИТЬ ПОМЕСТЬЮ ОТ ОБЕЗЬЯНЫ И ЧЕЛОВЕКА

М. ГРЕМЯЦКИЙ

что зубры и бизоны между собой родственны, но лишь после опытов удачной гибридизации (получения помесей) об их родстве можно говорить с полной уверенностью. Не менее замечательны опыты с получением помеси лошади и зебры. Интересно, что полученные таким путем зеброиды отличались большой силой и во время гражданской войны на них перевозили пушки.

В природе естественным путем тоже иногда появляются гибриды. Конечно, и здесь огромную роль играет родство между животными. Так, например, встречаются помеси глухаря с тетеревом — обе эти птицы принадлежат к подроду куриных и близки между собою; нередки гибриды между серую и черноворонами, между зайцем-русаком и европейским зайцем и т. д. Особенно же часто помеси между различными хищными животными. Даже в зоологических садах, где животные размножаются с трудом, получались помеси между собаками и волками или лисицами, между нашим бурым медведем и белым медведем, обитателем полярных стран, между львом и тигром и т. д.

Спрашивается, как же обстоит дело с обезьянами? Склоняются ли эти животные к образованию помесей? Ответ мы получим из наблюдений, сделанных в зоологических садах Германии. Здесь, особенно в Берлинском зоосаде, обезьяны довольно легко размножаются и благополучно выращивают детей. Получаются иногда и помеси. Например, гибрид дрилла и мандрилла¹) живал в саду много лет. Были помеси между мартышками и макаками и другие. Но помеси между человекообразными обезьянами получено не было.

Несмотря на отсутствие этих помесей, есть все основания ожидать, что возможно получение гибридов не только между ними, но и между ними и человеком. В пользу этого говорит прежде всего сходство крови человека и человекообразных обезьян (особенно шимпанзе). Замечательные исследования кровяных реакций доказали это сходство неопровергнутым образом. Вот один из опытов, под-

¹⁾ Дрилл и мандрилл — породы обезьян головных обезьян с короткими, как бы обрубленными хвостами. Мандрилл имеет лицо оливкового цвета, дрилл — черный. Отличаются они и некоторыми другими признаками.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ, кроме одногрядного устройства организма, имеют также некоторое внешнее сходство с человеком. На этом интересном снимке изображены германский мальчик и две человекообразные обезьяны — шимпанзе (слева) и орангутанг (справа)

тврджающих это. Берут кролика и вводят ему в жилы сыворотку человеческой крови. После этого кролик (точнее — его кровь) делается чистоствильным к человеческой крови. Если набрать в стакан крови такого кролика и прибавить туда человеческой крови, то появится осадок. Если же вместо человеческой придать крови какого-нибудь другого животного (собаки, коровы и т. п.), то ни малейшего осадка не будет. Значит, кровь кролика приобрела особую чувствительность по отношению к человеческой крови и отличает ее от крови всяких других животных, прописывая в ней осадок. Но вот оказывается, что если к крови такого кролика прибавить кровь шимпанзе, то осадок тоже появится, как и от человеческой. Значит, кровь шимпанзе для чувствительной крови кролика нестыдлива от человеческой. Это ясно указывает на большое сходство крови шимпанзе с человеческой.

Опыты с пересадкой органов в свою очередь указывают на близость к нам человекообразных обезьян. Для лечения некоторых человеческих болезней и для омоложения практикуют пересадку тех или иных желез от животных к человеку. И постоянно оказывается, что наилучшие результаты достигаются, если эти железы брать у обезьян, особенно у человекообразных. Наконец, для изучения многих болезней необходимо прививать их животным. Есть болезни, которые составляют печальную привилегию человека, а у животных не встречаются, таков, например, сифилис. Для изучения долго пробовали прививать его разным животным — и все безуспешно. Впервые удалось привить сифилис обезьянам, и лишь после этого сумели привить сифилис и кроликам.

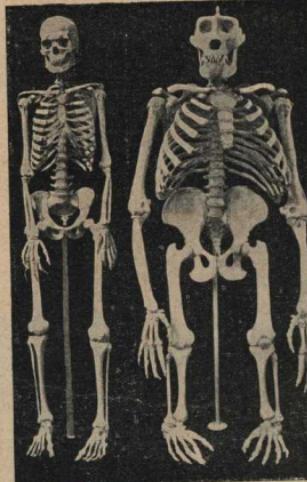
Таким образом, с разных сторон подтверждается родство кровяная близость к нам человек и разных обезьян. Но что особенно важно для интересующего нас вопроса — это сходство в размножении и половой жизни между нами и высшими обезьянами. Половая зрелость у крупных человекообразных обезьян (горилл) наступает приблизительно в том же возрасте, как и у человека. Мужские семенные тельца (сперматозоиды) у всех человеко-

образных и человека очень сходны по строению и по размерам. У самок при наступлении половой зрелости начинаются периодически повторяющиеся (через месяц) менструации, которые (у шимпанзе) длиятся в течение трех дней. Продолжительность беременности этих обезьян такова же, как и у человека. Устройство органа, который служит для питания развивающегося зародыша (детское место или плацента) тоже очень сходно и отличается от строения того же органа у низших (не человекообразных) обезьян. Наконец, как известно, зародыш человека в течение долгого времени своего развития не отличим от зародыша человекообразных.

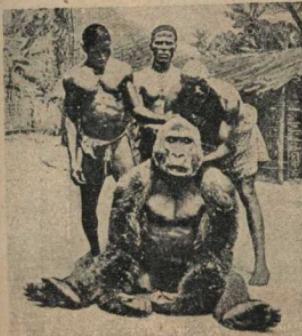
Все перечисленные факты единодушно свидетельствуют об одном: условие жизни зародыша в теле человекообразной обезьяны сходны с теми, в каких живет человеческий плод. Можно думать, что, благодаря этому сходству, зародыш, возникший в результате скрещивания человека и человекообразной обезьяны, найдет подходящие условия для своего развития как в теле самки гориллы или шимпанзе, так и в теле женщины, согласившейся на такой опыт. Нам остается

АФРИКАНСКАЯ ГОРИЛЛА — как она представлена на изображении в глуши леса, в которых обитает

СКЕЛЕТЫ ЧЕЛОВЕКА И ГОРИЛЛЫ, несомненно, различны в пропорциях, имеют одинаковое строение

ЭКЗЕМПЛЯР ГОРИЛЛЫ, убитой на охоте в Габоне

дится оно в животноводстве таким образом, что жизнеспособное мужское семя посредством шприца врывается в половую часть самки, способной забеременеть. Удача опыта зависит от многих условий — оттого, насколько сохраняют семенные тельца свою оплодотворяющую способность, оттого, встретятся ли они в теле самки с неоплодотворенным яйцом и произведет ли оплодотворение, оттого, наконец, найдет ли оплодотворенное яйцо достаточно хорошие условия для своего развития. Предсказать вперед, как сложатся все эти обстоятельства в нашем случае, мы не можем. Но, поскольку можно предвидеть исход опыта на основании известных нам фактов, игра стоит свеч. Не лишне будет заметить, что некоторые крупнейшие биологи (например, покойный профессор Шимкевич) считали вероятным удачный исход этого дела.

Как бы ни повернулось дело дальше, во всяком случае исследования и наблюдения, которые могут быть произведены нашей экспедицией в тропической Африке, дадут интереснейший материал для решения одного из величайших вопросов, стоящих перед человеческим умом.

лишь рассмотреть, каким способом можно осуществить это скрещивание. Очевидно, здесь может иметь место лишь «искусственное оплодотворение», то есть говоря, искусственное обесеменение. Произво-

ИГРУШКА, ПОБЕДИВШАЯ

свои научные и опытные качества для научных опытов строились уже изготавливавшиеся копии настоящих самолетов, которые испытывались, прорудавались в специальных аэро-инструментальных трубах при лабораториях. Старая модель осталась только забывшей поучительной игрушкой, и в этом оказалось ее новое чрезвычайное значение и назначение.

Моделизм мобилизует молодежь для авиации. Модель имеет те же основные качества, что и самолет — и потому, работая с моделью, мальчики знакомятся с основными принципами полета самолета, его регулировки и управления.

Если мы посмотрим, к примеру, на Германию, мы увидим, что здесь моделизм разит наизнанку. Задесь имеются сотни модельных кружков, в которых участвуют не только дети, но и взрослые люди. На частые состязания модельей склоняются тысячи зрителей. Одной из популярнейших игрушек — подарков в Германии является летающая модель.

Германские моделисты своей упорной работой достигли в 1925 году нескольких мировых успехов в области моделизма. Германские моделисты имеют в своем распоряжении не только резиновые двигатели, но и настоящие миниатюрные моторчики, работающие сквозь воздухом или на бензине. Смотри на моделизм, как на первую ступень к авиации, германские моделисты добиваются осуществления таких «фокусов», как баллистическое сбрасывание бомб и попадание в цель с летящей моделью как производство автоматической фотосъемки с летящей моделью и т. д.

У нас моделью во время войны совершенно заглох и только в 1923 г. после организации ОДВФ моделью сноваожил и пошел в гору. К настоящему времени мы имеем уже по СССР около 900 модельных кружков и в пришкольных пионерских отрядах, яичниках Авиахим и т. д.

ПЛАНЕР ЛИЛИЕНТАЛЯ—построенный в 1895 году. Германский инженер Отто Лилиенталь своими опытами положил начало планеризму

Уже одно это свидетельствует о наших успехах, о нашем влечение к нашим моделям, но многих из наших модельных кружков мы имеем из Советской стороны. Достаточно сказать, что в сентябре на модельных состязаниях в Эрлангене местный 15-летний мальчик Дильтц установил всеобщие рекорды дальности — 1185 метров и продолжительности полета модели — 10 мин. 3 с. Наши рекорды уступают только американским рекордам продолжительности в 10 м., 42 с. и рекордам дальности полета: немецкому в 1490 м. и американскому — в 2250 метр.

ОТ МОДЕЛИ К ПЛАНЕРУ

ЭТО НЕ ТОЛЬКО лозунг. Деятели наших кружков, начавших с модельзмом, перешли к строительству планеров. И из тех 300 планерных кружков, которыми мы имеем из Советской стороны, половина является модельно-планерными.

Как и модель, планер является прародителем самолета. Грабу говорят, планер — это тот же самолет, но без мотора... Раньше, чем Райты установили мотор на свою машину, они летали на планере.

Человек, издавна хотел летать, как птица, и он подражал птице. Если нельзя махать крыльями, то почему бы не парить, как парит птица на распластанных крыльях. И вот, в девятнадцатых годах прошлого столетия англичанин Пильчер, американец Шаноу и др., а, главным образом, немецкий инженер Лилиенталь, строят планеры и летят на них секунды, но летят!

Как же летят птицы? Как же летят планеры?

На заре планеризма Отто Лилиенталь разбегался со своим планером прятками, чтобы не сбить с крыши и затем пригнал оттуда, вися на планере. Планер своим крыльями опирался на воздух и медленно скользил вниз — планировал — по наклонной линии. Управлялся же планером Лилиенталь перемещением его центра тяжести, вынося перед ноги, в случае, если планер задирал вверх, относя их в сторону для выравнивания бокового наклона плоскости: езд и т. д.

Не теперя! Человек на современном планере стал гораздо ближе к птице, несмотря на то, что махать крыльями он все еще не может.

МОДЕЛЬ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА, установленная на Всеобщий рекорд дальности полета для модели — 782 метра (август 1925 г.)

ОТ МОДЕЛИ — планеру, от планера — к самолету — под этим лозунгом растет и развивается у нас в СССР воздушный спорт.

Воздушный спорт? Да есть ли такой? Кто из наших спортсменов слыхал о нем?

А он существует этот вид спорта, существует и имеет громадное значение, являясь своеобразным «подводным первоучеником» для молодежи СССР.

Но что такое модель, что такое планер и биплан самолет здесь идет речь?

МОДЕЛИЗМ

В КОНЦЕ XIX и в начале XX века вся работа по авиации (по осуществлению полета с механическим двигателем) сводилась к постройке летающих игрушек — моделей будущих самолетов. Прадедытеле современного самолета можно считать летающую игрушку француза Пино, построенную им в 1872 году. Эта игрушка, называемая «планодором», является уже прообразом современного самолета с толкающим воздушным винтом, рассчитанным на совершение горизонтального полета.

Впоследствии, когда свойства полета самолета были изучены, когда авиация семимильными шагами пошла вперед, — старая модель потеряла

СОВЕТСКИЕ АВИАЦИОННЫЕ МОДЕЛИСТЫ

ПОЛЕТ СОВЕТСКОГО ПЛАНЕРА «Красная Пресня» на последних планерных состязаниях в Германии в 1925 году. СЛЕВА — «ДАЕШЬ ВОЗДУХ!»: в деревне Пирово, Тульской губ., крестьянский планерный кружок строит свой планер.

ВОЗДУХ

Б. НАБАТОВ

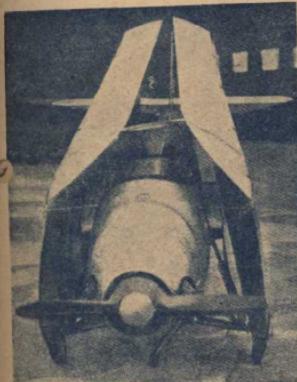
Человек научился парить. Человек изучил ветер, восходящие потоки воздуха и порывы ветра, он летал не только медленно и плавно, но и поднимался, кружась над землей. Планерист уже не висит беспомощно на брусьях планера под мышами, он сидит, как в самолете, и управляет планером, не выбрасывая своего тузовища в ту или иную сторону, а действуя рулями, легким нажимом на ручаги...

Планер для успешного полета—парение, необходимое для восходящих потоков воздуха и встречного ветра. Поэтому полеты на планерах, как правило, устраиваются в холмистых, гористых местностях. Когда команда гонки на планер за трофеи противостояла фарфор, он взмывает вверх. Этот летчик отвечает спасающемуший его тросом и начинается свободный полет. Ползущий в восходящих потоках воздуха над склонами горы, планер подставляется под порывы встречного летра, планер не только не плашнует быстро вниз, но очень часто поднимается над уровнем места взлета (стартра), он может часами «висеть» в воздухе, а при благоприятных условиях отлетает далеко от места взлета...

Но затем летать на планерах, когда есть самолеты? Зачем тягаться с птицей на «утоле» планере, когда на самолете гудят покорный чевловек, мощный мотор?

Незадолго Там молчаливо ответили конструкторы и пилоты после первых успехов аэронавта. Но планер вернулся много лет спустя—после войны, когда успехи авиации были особенно разительны.

Ограниченному по Версальскому договору в выпуске пилотов, примирившихся с потерей с запрещением строить мощные моторы, Германия снова привыкала к жизни планеризма. Пусть молодежь учится летать на планере! В нужный момент, после короткого добучения, пилот сможет стать летчиком на самолете. Пусть молодежь строит планеры, и летом на них учится конструировать и строить, открывая наиболее удобные для полета формы самолетов, его крыльев и маховиков им, пусть она изучает свойства воздуха и различные условия пользования им для полета.

ПОРТАТИВНОСТЬ АВИЭТЫ—здесь изображена бургундская авиэтта—«Сателит». Со сложенными крыльями она занимает места не больше, чем обыкновенного автомобиля

Сейчас же после войны немцы занялись планеризмом. Появились десятки кругов, в Германии уже несколько лет функционирует специальная школа планеризма, выпустившая уже много хороших летчиков. Достигнутые ими успехи заставили обратить на них внимание всех стран. Планеризм снова стал в «порядок дня». Но по вышеуказанным причинам больше всех увлекаются планеризмом немцы, и их успехи напоминают велики.

Только недавно французы «отвоевали» у немцев рекорд высоты полета над стартром—720 метров.

остальные же мировые рекорды планеризма по-прежнему принадлежат немцам:

Продолжительность полета одноместного планера—12 ч. 6 м.
Дальность полета по прямой—24,4 кил.

Полет с пассажирами—5 ч. 40 м.

Эти новые рекорды не являются первыми, они были установлены в 1929 году на III всемирных планерных состязаниях, где в качестве гостей участвовали лучшие немецкие планеристы со своими лучшими планерами.

У нас в ССР планеризм возродился в 1927 году, а в 1929 году, сразу же в первые состязания (на Крыму, около Феодосии) показали, что мы сразу шагнули вперед: мы продлели продолжительность полета на 1 ч. 02 мин., продлительность полета. Это в то время, как в большинстве других стран счетшел еще на секунды и минуты.

После первых состязаний возникло много планерных кружков ОДВФ и уже на 2-х состязаниях осенью 1924 г. мы смогли выставить 48 планеров и показали такие рекорды, как продолжительность полета 5 ч. 15 м., высота полета над стартом 312 метров и дальность полета над стартом 4000 метров. Эти достижения вполне хорошие качества и оправдывают наших пилотов, сразу же поставивших нас на одно из первых мест среди мирового планеризма.

К настоящему времени в кругах воздушного спорта Авиации СССР состоялись и построены уже 200 кружков, и на них около 40 пришли в строевые в происходящих в сентябре—октябре III всемирных планерных состязаниях в Крыму. Здесь, несмотря на то, что в разгар состязаний большинство наших рекордов планеров было выведено из строя пренесшимися ураганом, советские планеристы успели показать свои отличительные качества и достижения. Пилот, тов. Якобчук, на планере Киевского политехникума установил новый всемирный рекорд продолжительности полета в 9 ч. 45 м., тов. Юнгмайстер, установил рекорд высоты полета. Юнгмайстер, установивший рекорд высоты полета для двухместного планера (с пассажиром), 10,1 км. дальности полета и 336 метр. высоты.

Таким образом, успехи советского планеризма налицо, и рабочая молодежь начинает уже делать шаги—от планера к самолету.

Если можно летать и парить на планере—это хорошо. Если планер сильно зависит от ветра и местности—это плохо. Но нельзя ли в таком случае установить на планер мотор и не большой мощности, который давал бы добавочную силу к силе петра, который

осталась же мировые рекорды планеризма по-прежнему принадлежат немцам:

Продолжительность полета одноместного планера—12 ч. 6 м.

Дальность полета по прямой—24,4 кил.

Полет с пассажирами—5 ч. 40 м.

Эти новые рекорды не являются первыми, они были установлены в 1929 году на III всемирных планерных состязаниях, где в качестве гостей участвовали лучшие немецкие планеристы со своими лучшими планерами.

У нас в ССР планеризм возродился в 1927 году, а в 1929 году, сразу же в первые состязания (на Крыму, около Феодосии) показали, что мы сразу шагнули вперед: мы продлели продолжительность полета. Это в то время, как в большинстве других стран счетшел еще на секунды и минуты.

После первых состязаний возникло много планерных кружков ОДВФ и уже на 2-х состязаниях осенью 1924 г. мы смогли выставить 48 планеров и показали такие рекорды, как продолжительность полета 5 ч. 15 м., высота полета над стартом 312 метров и дальность полета над стартом 4000 метров. Эти достижения вполне хорошие качества и оправдывают наших пилотов, сразу же поставивших нас на одно из первых мест среди мирового планеризма.

К настоящему времени в кругах воздушного спорта Авиации СССР состоялись и построены уже 200 кружков, и на них около 40 пришли в строевые в происходящих в сентябре—октябре III всемирных планерных состязаниях в Крыму. Здесь, несмотря на то, что в разгар состязаний большинство наших рекордов планеров было выведено из строя пренесшимися ураганом, советские планеристы успели показать свои отличительные качества и достижения. Пилот, тов. Якобчук, на планере Киевского политехникума установил новый всемирный рекорд продолжительности полета в 9 ч. 45 м., тов. Юнгмайстер, установил рекорд высоты полета. Юнгмайстер, установивший рекорд высоты полета для двухместного планера (с пассажиром), 10,1 км. дальности полета и 336 метр. высоты.

Таким образом, успехи советского планеризма налицо, и рабочая молодежь начинает уже делать шаги—от планера к самолету.

Если можно летать и парить на планере—это хорошо. Если планер сильно зависит от ветра и местности—это плохо. Но нельзя ли в таком случае установить на планер мотор и не большой мощности, который давал бы добавочную силу к силе петра, который

СОВРЕМЕННЫЙ ПЛАНЕР В ВОЗДУХЕ: конструкция планеров ужас настолько совершенна, что современный планер в состоянии продержаться в воздухе несколько часов. Последний французский рекорд продолжительности полета равен то часам 19 мин.

был бы мал, легок и дешев; но вместе с тем позволял бы летать по-настоящему, не туда и так, как хочет ветер, а туда и так, как хочет пилот?

Можно! Так ответили многие конструкторы планеров в Германии и во Франции. И на планеры стали устанавливать, начиная приспособленные мотоциклетные моторы, а потом специальные маломощные моторы, мощностью от 4-х до 12-и л. с. На таких «авио-мотоциклах» пилоты, или, как теперь называют, «авиэты», могли планеристы в летчики совершили весьма удивительные полеты, с незначительным расходом бензина и с относительно большой скоростью. Так, француз Барбо, установивший на свой планер «Денфуз» мотор всего в 10—15 сил, совершил полет через Ламанш из Франции в Англию обратно в течение 1 ч. 45 м., при чем было не расходование всего 9 литров бензина на 7-е километры полета. Эти цифры не являются характерными для всех авиэтт, достижения легкой авиации в общем гораздо скромнее, но все же маломощные самолеты, переделанные из планеров и спешенно построенные по типу планеров, завоевывают свое право гражданства. И нельзя не признать, что планеристы сыграли тут первостепенную роль. Планер подготовил «авио-мотоциклистов» по планер эти свою роль не окончили. Он остался «первой ступенью» в воздухе, он не потерял своего воздушно-спортивного интереса.

И у нас в ССР имеются свои авиэтты, — так было установлен мотор на планер «Буревестник», превративший его в авиэтту, построенным авиэттом Центральным Аэро-Гидродинамическим институтом и именем строителя самодельных авиакружков при физико-математических кружках. Отличные катапульта показала построенная слушателями Академии воздушного флота, тов. Рафаэлиян, авиэтта «Раф-1» при полетах в Москве и на 3 всемирных состязаниях.

СОВЕТСКАЯ АВИЭТТА—«Буревестник», изображенная здесь, раньше была только планером. Она наглядно показывает, как легок переход от планера к авиэтте

ВАСЬКА—ГРАМОТЕЙ

Вот он—Васька безматежный...
Ну-ка, поглядите-ка,
Как он твердо и прилежно
Изучил политику.

Первым делом: что под носом
Подразумевается?—
На这个 вопрос нелепый
Васька улыбается.

Эти буквы разложите
Нужно по порядку.
Надо Экстремно Попить—
Вот и вся разгадка.

Хоть вопросы трудноваты,
Спрашиваю, в азарте я...
Что такое консерватор?
Что это за партия?

Что-ж тут многое понимать?
Это те, кто дерьмами
Начинают торяться.
Разными консервами.

Здраво, трезво, не сныня
Васька дальше дует...
— Риффи, что за племена?
С кем они воюют—

— Эх, чудак ты человек.
Риф—совсем другое:
Это камень, что весь век
Спрятан под водой.

А бывает, что иные—
Грамотные малость,
Пишут часто «ф» двойные,
Чтоб страшней казалось.

— Что ЦК есть?—Ни вопрос
Васька дует рогом:
— Это новых папирис
Целя Коробка...

Комсомольцы, гляди в оба!
Помогите в зеркале:
Вы свою полнит-убчу
Так же исконверкали?...

Кнопочка

— Постой, что там у тебя еще за друг?..

К СЕКРЕТАРЮ ячейки робко входят худощавый парень.

Рассмотрели мое заявление?

Секретарь изабоченно ковырял в носу и сердито сказал:

— Не мешай работать. Приходи через неделю.

— Как же так! А товарищ Пыжин сказал, чтоб сегодня ты сообщил мне о результате...

— Какой такой Пыжин...?

— Мой личный друг, который из президиума МК... Вчера ко мне приехал...

— Из президиума МК... Садись. Сейчас найду твое заявление. А зачем он к тебе приехал?

— Сообщите, что он больше в МК не состоит...

— Не состоят! Так! А чего ты здесь, скажи пожалуйста, расселся? Говорят, приходи через неделю. Пиш!

Парень обиженно идет к двери и ворчит:

— Ладно же. Пожалуюсь своему другу, который в ЦК...

— Постой. Что там у тебя еще за друг?

— А тот же самый. Я тебе что говорю — в МК он не состоит, а перевели его в ЦК... в ЦК... Так что же мы, дорогой товарищ, стоим? Сядись, пожалуйста. Ваше заявление я моментом разыщу!

— Сядись, пожалуйста. Ваше заявление я моментом разыщу!

— Секретарь стал изабочено рыться в бумагах...

В Е С Е Н Н Й Й С Л О В А Р Ъ

А. Алимент—призрак, отравляющий сознание весенних активистов.

Б. Беспартийная—опасное успокоение для вышедшей замуж комсомолки.

В. Весна—род невольной болезни, опустошающей клубные кружки и мозги поэтов.

Г. Галоп—место упокоения весенних докладчиков, выгоревших более ½ часа.

Д. Доска, в которую напинаются весенние неудачники.

Е. Ерунда—смотрят весенние письма и слушают весенние разговоры.

Ж. Жирность—трест (ТЭЭ)—весной это предприятие приносит колоссальный доход (духи, пудра, косметика).

З. Задрыга—сволочь, род приветствия.

И. Икс—конечно, алиментный.

К. Квалификация—род скатерти-самобранки, приносящей обладателю отроны ботинки и успех в дамском обществе.

Л. Любовь—острое помешательство, выражющееся, например, в том, что любимый нас, будь он даже величиной с чайник, становится,

в глазах заболевшего, прекрасное получки. Даже желание любимой венчаться в церкви кажется незначительным идеологическим уклоном.

М. Мега—старая ключа, не поспевающая за автомобилем интересов. Весной хромает особенно сильно.

Н. Нос—легко бьющийся сосуд. Особенно легче бьется весной.

О. Она—предмет первой необходимости для каждого «его».

П. Пол—весной этот вид помешанных особенно опасен.

Р. Рост. Расти хвости за галашами, очреди на зубных врачей и ноги у футбольистов.

С. Салазки—вопреки здравому смыслу их фабриканты загибают особенно усердно весной.

Т. Тарзан—весенние мечты девчат.

У. Ухом—в весенний период вылетает у слушателя доктора здравоохранности комиссии по шефству.

Х. Хост—см. рост.

Ц. ЦИК—комшар весенних активистов.

Ч. Чемберлэн—ругательство. Так ругают за

занавешихся парней сознательные девчата.

Ш. Шимми—ботинки. Верный путь к беспартийному сердцу.

Щ. Щека—буздужный предрасудок (разве кто-нибудь целует теперь в щеку)?

Э. Эташа—старая дева (разве она «понимает весенние настроения»)?

Ю. Юность—прятная штука. Особенность весной.

Я. Составитель этого весеннего словаря.

Васька Шкворень

Цена №
„С М Е Н Ы“
25 коп.

